

FORGED BY CHAOS

PANZAR

PANZAR
STUDIO

CRYENGINE 3

Хроники народов

Оглавление

ОРКИ.....	3
ГНОМЫ.....	8
ЭЛЬФЫ.....	15
ЛЮДИ	21
ХРОНИКИ НАРОДОВ. БОГИ И ДЕМОНЫ.....	27
ЧАСТЬ I.....	27
ЧАСТЬ II.....	32
ЧАСТЬ III. АРГУС.....	38
ЧАСТЬ IV. ЗАР.....	44
ЧАСТЬ V. ХИМЕРА.....	54
ЧАСТЬ VI. КРОМ (<i>New</i>).....	62
ПИВНЫЕ СЕКРЕТЫ ГНОМОВ.....	70

ОРКИ

Племена орков родом из джунглей и болот плоскогорья Ру-Аркх. Несмотря на теплый, влажный климат, места эти очень суровы и малопригодны для жизни: ядовитые змеи, хищники, непроходимые топи, огромные плотоядные растения — это лишь самые очевидные из опасностей, подстерегающих любого, кто осмелится ступить под сень вечнозеленых лесов. Потому нет ничего удивительного в том, что выжить в подобных условиях мог только по-настоящему выносливый и сильный народ. Происхождение орков по сей день остается неясным, хотя сами они считают своими прародителями гигантских болотных обезьян. С древних времен у орков существовал культ этих мифических животных, с которым связано немало ритуалов и традиций — по большей части, весьма неприятных. Вот как описывает один из обрядов поклонения болотной обезьяне знаменитый картограф и мемуарист Рагнар Камнебородый, гном, попавший в плен к оркам во время геологической разведки северных склонов плоскогорья:

«На широком помосте, сооруженном на самой вершине Старшего дерева, возвышалось мерзкое чучело обезьяны, сжимающей в своих лапах факелы. Вокруг чучела — четыре столба, увешанных черепами, рогами и личинами. На другом краю помоста стояло нечто вроде трона, на который с ногами взобрался деревенский шаман, полностью обнаженный, за исключением большой деревянной маски, целиком скрывавшей его уродливую клыкастую морду. По обеим сторонам «трона» лежали кучи выбеленных временем и солнцем черепов. Приглядевшись, мы с ужасом различили среди них даже черепа наших соотечественников — тут-то и стало ясно, какая именно участь была нам уготована. Нас, связанных, слабых от жажды, бросили на дощатый настил, служивший полом в этом отвратительном месте. Мы стонали и просили воды, но шаман, оставшийся с нами наедине, сидел на своем троне, не шевелясь, глядя в одну точку перед собой, словно сам стремился превратиться в истукана. Солнце клонилось к закату, орки начали постепенно подниматься сюда по многочисленным веревочным мостикам и лестницам. Их становилось все больше, доски настила жалобно поскрипывали под тяжелыми шагами массивных зеленых ступней, и я стал даже мечтать, чтобы старый помост не выдержал веса своих хозяев. Рухнуть вниз с такой высоты означало бы верную смерть для всех — мне и моим товарищам тоже не удалось бы уцелеть, но, по крайней мере, мы оказались бы в равном положении с тюремщиками. К тому моменту, когда солнце полностью скрылось за горизонтом, вокруг нас собралась уже вся деревня. Помост выдержал.

Зажглись факелы, двое орков начали бить в барабаны. От глухих, размеренных ударов влажный воздух пульсировал, словно где-то совсем рядом билось огромное живое сердце. Дикари хранили полное молчание, и почему-то именно из-за этого в моей душе погасли последние проблески надежды увидеть следующее утро. Ритм барабанов наполнял все вокруг, гудел в ушах, вибрировал в костях, опутывал мышцы. Казалось уже, что так будет продолжаться вечно, но внезапно шаман вскочил, поднялся во весь рост на сиденье трона и начал бесноваться: он пронзительно кричал, хрипло выл, топал ногами, махал кулаками, грозил ими кому-то, бил себя в грудь. Далеко не сразу я понял, что именно происходит — думаю, он изображал самца болотной обезьяны, призывая самку — свою богиню — явиться им в том отвратительном чучеле.

И она откликнулась на зов. Факелы в ее лапах вдруг вспыхнули ярче, их отблески озарили тошнотворную морду идола, придав ему поразительно одушевленное выражение. Мертвая тварь, набитая опилками и песком, смотрела прямо на меня своими деревянными глазницами и улыбалась.

Она улыбалась.

Орки вокруг взвыли от восторга. Могучие зеленые лапы схватили одного из моих товарищей, Гримли Красноносого, потащили его к зловещему истукану. Гримли, у которого не осталось уже сил сопротивляться, только стонал от ужаса. Я в бессильной ярости пытался порвать свои путы, но помочь бедняге было уже нельзя. Скандируя что-то нечленораздельное, вторя оглушительно ревущему шаману, орки поднесли жертву к ожившему чучелу и сбросили несчастного вниз. В тот же миг наступила полная тишина.

И в этой тишине я не услышал звука упавшего тела. По сей день мне приходится убеждать себя, что причиной тому послужила слишком большая высота. Иногда получается. Но душными летними ночами я просыпаюсь в холодном поту, точно зная: там, под помостом, моего друга Гримли схватило что-то длиннорукое и голодное, бесшумной тенью скользнувшее сквозь тьму южных сумерек.

Как бы то ни было, ритуал еще не завершился. Шаман продолжал бесноваться, барабаны громыхали по-прежнему — остальных пленников ожидала та же участь, что и Красноносого, да хранят Гранитные Предки его душу. Я приготовился к смерти, намереваясь встретить ее со всем достоинством, на которое был способен — в Медовые Чертоги войдет лишь тот, кто не утратился, увидев перед собой конец пути. Собрав остатки храбрости, я взглянул в озаренный факелами лик гибели, что таранилась на меня деревянными глазами. Она улыбалась.

И тут откуда-то издали донесся оглушительный, душераздирающий рев. Несколько мгновений орки недоуменно переглядывались, а потом со всех ног рванули в разные стороны, помчались по хлипким мостикам вниз — только шаман остался на месте, не имея сил вырваться из цепкого взгляда своей ужасной богини. Внизу, в темноте началась какая-то возня, раздавались хриплые, отрывистые приказы, лязгало оружие. Орки спешно готовились к схватке. Я понял, что Гранитные Предки, смилостивившись, даровали мне и моим товарищам шанс на спасение. Извиваясь, словно уж, подполз я к шаткому деревянному мостику и покатился по нему вниз, надеясь, что удача не отвернется от меня. Ранее, когда нас поднимали к идолу, я заметил на нижнем ярусе нечто вроде стойки с оружием — и теперь стремился к ней. Оказалось, зеленокожие успели расхватать все, кроме старого ржавого тесака — но мне хватило и его иззубренного лезвия, чтобы перерезать веревки, стягивавшие мои запястья. Освободившись от пут, я подхватил тесак и вернулся к товарищам. Внизу уже кипела битва — на деревню вероломно напало соседнее орочье племя. Подобное не редкость для этих дикарей. Свистели в воздухе тяжелые керны, громыхали по костяным щитам дубины и каменные топоры, отборная ругань рвала ночь на части.

Мы побежали вниз, стараясь спуститься таким образом, чтобы миновать сражение, но это оказалось непросто — подвесные переходы между ветвями и стволами огромных деревьев создавали здесь настоящий лабиринт, по которому можно было блуждать бесконечно, особенно в темноте. Инженер Фрор Трехпалый сорвался вниз, наступив на прогнившую доску. В конце концов, нам, троим оставшимся, удалось добраться до земли — и, по счастливой случайности, мы очутились возле частокола, а перелезть через эту примитивную преграду сумел бы даже ребенок.

Деревня орков, в которой все еще продолжалась драка, осталась позади. Мы уходили в джунгли, радуясь своему чудесному спасению. Радовались мы рано — потому что понятия

не имели, какие страшные опасности поджидают нас в глубине этих непроходимых болотистых лесов...»

Из мемуарного свитка
«Удивительные Злоключения и Приключения
Рагнара Камнебородого, записанные им самим»
350 год до Последнего Мора

Как видно из приведенного живописного отрывка, кроме суровой окружающей среды, орки постоянно сражались и друг с другом. Пришло время, когда плоскогорье Ру-Аркх уже не могло вместить всех зеленокожих, а потому некоторые племена, вытесненные более могущественными соседями, вынуждены были уходить в великую пустыню Карраз-Гул, что лежит в центре мира, разделяя собой владения четырех народов. По расчетам историков, первые орки появились здесь около 800 года до Последнего Мора. Новые условия не только не сломили их, но, наоборот, закалили, превратили в умелых, бесстрашных воинов. Орки Карраз-Гула вели кочевой образ жизни, совершая постоянные набеги на земли соседей: пограничные королевства людей на северо-востоке и наземные заводы гномов в предгорьях Торгорского Кряжа на северо-западе. Зеленокожие варвары сжигали все, что не могли разграбить, и убивали всех, кого не могли увести в рабство. Война кормила и одевала их, обеспечивала оружием и рабочей силой — война стала основой существования. Отныне каждый орк рождался для битв и подвигов, а погибая, уходил сражаться в небесной армии Зара. Безжалостный, коварный, кровожадный бог войны Зар теперь был новым покровителем орков, тем более что он не требовал молитв, жертвоприношений, ритуалов и даже шаманов — капищем ему служило поле боя, молитвой — боевой клич, а жертвой — поверженный враг.

Во главе каждого кочевого племени стоял вождь, сильнейший воин. Выбирался он просто: все претенденты сходились в драке, а последний уцелевший объявлялся вождем.

Именно так на сцене истории появился Дерзаг Каг, величайший орочий полководец, создатель единого орочьего каганата. Придя к власти в племени Кривых Клыков, он повел своих братьев не в очередной грабительский рейд, а на соседей по пустыне. В течение нескольких лет, вызывая на бой вождя за вождем, он одолел их всех, оказавшись в итоге единоличным правителем Карраз-Гула.

В 206 году до Последнего Мора войска Дерзаг Кага вторглись на плоскогорье Ру-Аркх, без труда подчинив местное население, не сумевшее оказать серьезного сопротивления. Капища обезьяних богов были уничтожены, идолы сожжены, а все орки отныне должны были поклоняться Зару.

Империя Дерзаг Кага, названная в его честь Каганатом, простиралась на многие тысячи миль, превосходя по размерам любые известные государства. В ключевых точках рабы возводили неприступные крепости, служившие форпостами для новых набегов. Жажду власти нельзя утолить — и вот, в 198 году до Последнего Мора орды зеленокожих вышли к западным границам людских королевств, начав войну, которая не прекращалась ни на день в течение следующих полутора сотен лет.

Орден Паладинов, охранявший рубежи, встретил нападавших во всеоружии. Однако теперь рыцари противостояли не разрозненным племенам, охотящимся за добычей, а гигантской армии, пришедшей покорять и уничтожать. Прекрасно сохранилось письмо великого магистра Паладинов, лорда Воллмонда, написанное вскоре после вторжения:

«...Их тактика заметно изменилась за эти годы. Прежде клыкастые варвары лезли на

стены разрозненной толпой, надеясь только на силу своих лап и тяжесть дубин. Теперь они движутся хорошо организованными отрядами, используют осадные машины и лестницы. Многие закованы в броню устрашающего вида и прикрываются огромными шипастыми щитами, из-за чего превращаются в серьезное испытание для наших славных витязей. На открытых пространствах вперед выходят другие воины, в легкой броне, но быстрые и свирепые, вооруженные каменными палицами на длинных древках. Эти берсерки вламываются в строй, разбрасывая бойцов, словно кукол, открывая дорогу идущим следом броненосцам. Мы с огромным трудом сдерживаем их бешеный натиск. Они атакуют днем и ночью, наваливаясь на нас волна за волной, неустрашимые, неутомимые. От крика «Дер-Заг! Дер-Заг!», исторгнутого тысячами глоток, стынет в жилах кровь.

Лекари не успевают врачевать раненых, новобранцы теряют присутствие духа, в войсках начинаются волнения. Дезертиров пока нет, но их появление не заставит себя ждать. Мне уже доносят о готовящихся побегах.

Не знаю, сколько еще мы сможем удерживать орочий натиск, Ваше Величество. Делаем все, что в наших силах, но сил этих явно недостаточно. Потому смиренно прошу Вас оставить прошлые разногласия, хотя бы отложить их на время, и прислать подкрепление — Ваши Золотые Батальоны. Не ради доблести или славы, но ради сохранения мира и спокойствия на землях цивилизованных народов. Появилась новая сила, с которой придется считаться всем, кто хочет уцелеть. Именно так. Сейчас речь идет о выживании...»

Письмо взято из архива
Большой Библиотеки
Третьего Замка Алхимиков

Рыцари не справлялись с бесконечными штурмами, сдавали рубеж за рубежом, отступая вглубь страны. Короли, заплывшие жиром и высокомерием, не спешили приходить на помощь доблестным Паладинам. Казалось, еще немного — и последнее отчаянное сопротивление людей будет сломлено. Но в самом начале 195 года до Последнего Мора первый и последний великий каган орков Дерзаг Каг внезапно умер. Никто так и не узнал, почему. Ходили слухи, будто его отравили подосланные лордом Воллмондом шпионы, будто кто-то из рабов смог подобраться на расстояние броска кинжала. Достоверно мы не узнаем никогда.

Со смертью кагана созданная им империя потеряла единственную силу, способную удержать ее в целости. Не успело тело вождя остыть, а претенденты на его место уже катались в пыли перед шатром, вцепившись друг другу в глотки. Предводители племен, почуяв свободу, объявляли себя каганами, наследниками Могучего Дерзага, Сына Зара — к 190 году в пустыне Карраз-Гул насчитывалось девятнадцать мелких каганатов, каждый из которых именовался Единым. Племена джунглей Ру-Аркха, как ни странно, сохраняли верность мертвому повелителю дольше остальных, и только в 183 году они назвались отдельным каганатом.

Тем не менее, война с людьми не закончилась. Орки продолжали штурмовать твердыни Ордена Паладинов, хотя их натиск значительно ослаб. Это позволило рыцарям собраться с силами, укрепить свои позиции и даже перейти в контрнаступление. Боевые действия на границе продолжались с переменными успехом и интенсивностью еще более века. За это время Орден, чрезвычайная польза которого теперь была очевидна всем королям и баронам, невероятно разбогател. Для Паладинов то столетие стало золотым веком, эпохой расцвета. Но подробнее об этом читайте в другой главе моего скромного труда, а мы пока вернемся к оркам.

Только к 49 году до Последнего Мора они научились принимать совместные решения — именно тогда впервые состоялся Совет Племен, на котором каганы согласились заключить с Паладинами перемирие. Двое вождей во время Совета были зарезаны, один затоптан и еще один заживо съеден, но первый блин всегда выходит комом. Перемирие, с готовностью принятое людьми, позволило оркам сосредоточиться на своих внутренних проблемах, то есть, продолжать выяснять, кто из них самый большой и самый сильный. Возможно, когда-нибудь у них и появился бы новый Дерзаг, способный вновь объединить зеленокожих, но...

Но мир рухнул, распался на части, когда из тьмы вырвался Мор Безумия, воплощение божественной ненависти. Все изменилось. Сразу, в одночасье, порядок сменился хаосом, а свет мраком.

Я давно уже не покидал Третий Замок, последнюю уцелевшую крепость нашего Ордена, потому сам не обладаю сведениями о том, что происходит снаружи. Но к нам стягиваются выжившие братья-алхимики, и они приносят новости. Из их слов выстраивается ужасная картина абсолютной разрухи, не оставляющей никаких надежд на возвращение к прежней жизни. Рассказ брата Ларатуса, которому на пути сюда довелось столкнуться с орками, приведу здесь с его позволения:

«Проклятье повлияло на зеленокожих, пожалуй, сильнее, чем на другие народы. И без того наполовину звери, они окончательно превратились в чудовищ, бездумные машины для убийства. Теперь у них нет и не может быть вождей, а значит, и племен — ведь когда рядом не найдется кого-то сильнее и злее, каждый орк становится сам себе вождем и любого встречного сородича воспринимает лишь как добычу или соперника. Я видел, как огромный орк, вооруженный каменной палицей, грабил проходящие по дороге повозки, и ему помогли в этом два гнома с пороховыми аркебузами! То есть, уже не имеет значения, кто именно стоит в одном строю с тобой, кто именно прикрывает тебе спину — важно, что там вообще есть некто, кому ты можешь доверять! Потому что одиночки обречены, потому что гномы с аркебузами принесут тебе большие пользы, чем еще один зеленокожий варвар с дубиной, потому что, попытавшись вновь объединиться в племена, орки непременно покромсают друг друга в клочья. Эти дикари ведь все еще верят в Зара, а богу войны безразлично, существо какой расы ты отправил ему в пасть. Ему безразлично, существо какой расы тебе в этом помогло. Он жаждет крови, и весь наш мир теперь превратился в один большой алтарь. Орки наслаждаются творящимся вокруг хаосом, словно родной стихией, и славят своего жестокого бога, убивая любого, кто осмелится перейти им дорогу».

Этими жуткими откровениями я хотел было закончить главу об орках, но, пожалуй, добавлю еще пару слов. Вчера до замка добрались братья из южных земель, побывавшие на окраине плоскогорья Ру-Аркх. Они рассказывают, как по ночам в глубине джунглей слышался гулкий бой барабанов и хриплые нечленораздельные крики, а иногда высоко над ними, в черноте меж ветвей и лиан проносилось нечто большое, но невидимое. От этих историй я потерял сон и аппетит, отрывки из мемуаров гнома-картографа беспрерывно крутятся в моей голове, не позволяя ни на секунду забыть о кошмарной истине. Древние демоны возвращаются.

Поистине, темные времена настали для всех нас.

ГНОМЫ

На северо-западе, отделяя обитаемый мир от бескрайней заснеженной тайги, возвышается горный массив, известный как Торгорский Кряж. В глубине этих старых гор бесчисленные поколения назад появились гномы, творцы и труженики, создатели удивительных механизмов. По легенде, первые гномы родились из озера Торгор, полного огненной лавы: когда лава начала охлаждаться и застывать, жизнь пламени наполнила окружающие камни, даровав им возможность передвигаться, говорить и мыслить. В Первопредках было больше от скалы, чем от живого существа, но каждое последующее поколение становилось все более мягкотелым и уязвимым. И по сей день гномы считают свою телесную оболочку несовершенной, веря в то, что после смерти они возвращаются в скалу. Согласно преданию, породив несколько поколений своих потомков, Первопредки окаменели, пообещав внимательно наблюдать за детьми и придти на помощь в случае неодолимой беды. Камни, в которые превратились Первопредки, не сохранились до наших дней, и разные учения по-своему говорят о причинах такого несчастья. Впрочем, озеро Торгор действительно существует — это огромная подземная пещера, полная застывшей лавы, священное место для любого гнома. Отчаявшиеся или утратившие смысл жизни уходят в Торгор и ждут там совета или знака от Первопредков, однако дожидаются лишь немногие.

Видимо, из этих представлений и берет свое начало культ, распространенный среди всех гномьих Кланов и Гильдий. Как уже говорилось выше, гномы верят, что, пройдя до конца свой земной путь, превращаются в скалу. И всех, кто оказал какое-либо влияние на жизнь Торгорского Кряжа, обязательно увековечивают в гранитных статуях: знаменитых политиков, мыслителей, изобретателей, полководцев. Из-за своих религиозных представлений гномы не делают различий между статуей и ее прообразом, для них это — единое целое, способное слушать, понимать, даже влиять на события. Потому именно статуям Гранитных Предков, стоящим в каждом городе, возносят гномы свои молитвы. Традиции каких-либо жертвоприношений у гномов нет, но это вполне логично: гранит не требует еды или питья, скала не нуждается в любви. Гранитные Предки, каждого из которых любой образованный гном должен знать и звать по имени, хранят спокойствие своих потомков век за веком, год за годом, непоколебимые и невозмутимые, суровые, словно северные скалы, породившие их, и неизменные, словно само время.

Подгорный народ в полной мере соответствует своим каменным покровителям. Изначально проигрывая остальным трем расам во всем, что касалось быстроты, физической силы, владения магией или холодным оружием, они, не желая становиться чьими-либо вассалами, сделали ставку на разум — и преуспели. Технологии гномов, их удивительные машины и механизмы подняли этот маленький народ на недостижимую высоту. Благодаря своему инженерному гению обитатели северных гор смогли построить грандиозные города — как в глубине Торгорского Кряжа, так и на его южных склонах. О величии их подземных чертогов слагались баллады и песни, а небывалых размеров шахты не только полностью обеспечивали необходимыми ископаемыми нужды собственного производства, но давали возможность вести оживленную торговлю с королевствами людей на востоке и даже с эльфами — когда те вдруг начинали нуждаться в руде или минералах, а потому снисходили до общения с низшими расами — на далеком юге.

Что касается военного дела, то здесь лучше обратиться к воспоминаниям тех, кто

разбирался в нем гораздо лучше вашего покорного слуги — благо, что описаний сражений, в которых принимали участие гномы, сохранилось предостаточно. Вот, к примеру, отрывок из дневника лорда Воллмонда, относящийся к тем временам, когда досточтимый лорд был еще молодым рыцарем и в составе небольшого отряда Паладинов должен был сопровождать груз кристаллов и железной руды из некоего гномьего форта, стоявшего на границе с пустыней Карраз-Гул.

«Нам пришлось задержать отправление, так как ранним утром наблюдатель сообщил о появившихся в пустыне орочьих разведчиках. У гномов смотровая площадка находится не очень высоко — они вообще стараются строить все как можно более приплюснутым, приближенным к поверхности земли — но она оборудована специальным устройством, состоящим из нескольких выпуклых линз, объединенных с помощью металлического цилиндра. Благодаря этому приспособлению значительно увеличивается дальность обзора, и наблюдатель может без труда засечь передвижение врагов даже на невероятно большом расстоянии.

Мы приняли решение подождать некоторое время в форте, хотя некоторые из нас так и рвались в бой. Но, как верно заметил магистр Лайрон, не имея точных данных о численности противника, бессмысленно надеяться одолеть его в схватке. Поэтому мы остались под защитой крепостных стен. Крепость эта — чудо фортификационной мысли. На ее приземистых, похожих на бочки башнях стоят ужасающие приспособления, способные выбрасывать из себя с огромной скоростью тяжелые чугунные ядра, которые, ударив по рядам врагов, непременно произведут страшнейшие разрушения. Стены толщиной в полтора десятка шагов, сложены из внушительных гранитных блоков. Никакие катапульты, никакие баллисты не способны причинить хоть малейший вред подобным стенам. Разве что сами гномы решат расстрелять их из своих мортир.

Внутри крепости находится то, что ее хозяева называют «железной дорогой» - проложенные по деревянным брускам металлические полосы, по которым сам собой передвигается состав из нескольких телег. Гномы утверждают, что состав приводится в движение теплом от сжигаемого угля. Может, это действительно так: первая повозка в нем крытая, и из трубы на ее крыше все время идет черный дым. Сие хитроумное приспособление может доставлять отряды солдат из одной точки крепости в другую всего за несколько секунд. Скажу откровенно, вынужденные оставаться среди шедевров инженерной мысли, мы отнюдь не скучали — впрочем, не предполагая даже, как скоро придется нам увидеть подобные чудеса в действии.

Разведчики орков исчезли из поля зрения наблюдателей около полудня, и к вечеру мы приняли решение выдвигаться — рассчитывая, что, если даже и остались где-то среди песков и обветренных скал засады зеленокожих, темнота наступающей ночи скроет нас. Гномы любезно предложили отправить с нами небольшой конвой, и, несмотря на то, что немалая часть отряда высказалась против, магистр Лайрон, будь благословенна его мудрость, принял предложение. «Гордость и самонадеянность хороши для своих крепостей — сказал он мне после того, как несколько баронов, посчитавших себя оскорбленными, вышли из шатра. - А в чужих не стоит притворяться бессмертным». Слова его подтвердились меньше, чем через сутки.

Следуя плану, мы покинули крепость вскоре после заката. Вместе с нами выдвинулось два десятка гномов-специалистов: инженеров и саперов. Из-за своих коротких ног они едва поспевали за обозом, но не жаловались и не замедляли нашего движения. Ночь прошла спокойно, а на рассвете выяснилось, что мы попали в смертельную ловушку.

Орки успели взять отряд в кольцо. Судя по всему, они заранее просчитали маршрут и в темноте бесцельно сомкнулись вокруг нас беспощадными клещами. Их было невероятно много — наверное, сразу два или три племени. Только точные сведения о том, что мы везем, могли заставить их объединить усилия. Однако решать, откуда и как зеленокожие сумели получить такие сведения, не было времени.

Говоря откровенно, времени вообще не оставалось, его хватало лишь на быструю молитву да достойную смерть в бою. В тот поход отобрали лучших, и каждый из нас стоил десятых орочных богатырей, но соотношение сил оказалось раза в три хуже. С первыми лучами солнца звероподобные кочевники ринулись в атаку — как всегда, беспорядочной стаей, ревущей, хохочущей толпой, оцетинившейся клинками, остриями и рогами. Мы спешно строились в боевые порядки, окружив обоз, забыв и думать о малорослых спутниках. А вот господя гномы о нас не забыли. И разворачивали свои боевые машины таким образом, чтобы не только не задеть, но полностью прикрыть наши войска и обоз с драгоценным грузом. Выбрав в качестве опорного пункта небольшую возвышенность чуть в стороне от лагеря, они с невероятной быстротой возводили турели, окружая их рядами щитов, а также целой сетью капканов и странных раздвижных столбов с нашлапкой на верхушке. Клянусь, я до сих пор не имею понятия, откуда эти маленькие мастера доставали материалы для такого великолепия — ведь предыдущим вечером у каждого из них был только небольшой рюкзачок за спиной — а теперь всего за пару минут на холме выросла целая крепость. Несколько саперов спустились к нам и принялись вкапывать в землю что-то позади наших рядов, но разглядеть очередное чудо мы не успевали — орки были уже близко.

Признаюсь, в тот момент я был уверен, что не доживу и до полудня: слишком уж устрашающе выглядела та орава, что летела на нас, подбадривая себя дикими воплями. Подняв меч, я ждал славной гибели, как и все мои товарищи вокруг.

Но тут, подпустив зеленокожих на достаточное расстояние, гномы открыли огонь. Первыми заговорили их турели. В крепости нам в общих словах объяснили принцип действия этих орудий, хотя и не подпустив на расстояние, достаточное для подробного осмотра — по сути, они представляют собой сильно уменьшенные копии тех больших пушек, что стояли на крепостных башнях форта — турели тоже стреляют металлическими ядрами, только очень маленькими. Бьют они не хуже стрел, а благодаря крохотным размерам и весу, летят с огромной скоростью, не дающей возможности разглядеть их. Так вот, турели затарахтели, обрушив полчища своих смертоносных снарядов на варваров — и сразу заметно проредив их ряды. Орки валялись в траву, словно срезанные гигантской косой. Саперы, протиснувшись между рыцарями, вышли вперед и дружно метнули в приближающихся зеленокожих гранаты — падая под ноги врагам, те разрывались вспышками яркого света, ослепляя и пугая их. Наши лучники, дав мощный залп, довершили дело. Атака, предназначенная смести нас, захлебнулась — уцелевшие орки обратились в бегство. Некоторые из них пытались взобраться на занятый гномами холм, но не тут-то было: те загадочные столбы, о коих я уже упоминал, принялись извергать молнии из своих верхушек, и молнии эти, даже если не убивали орка, то отбрасывали его на расставленные повсюду капканы, которые, срабатывая, отрывали уродливым варварам лапы. Особо проворных, сумевших добраться до стен импровизированной крепости, гномы встречали выстрелами из ручных аркебуз или тяжелыми боевыми молотами. Эти коренастые бородатые человечки, не достающие нам и до груди, набрасывались на клыкастых гигантов со всех сторон и забивали их до смерти в считанные мгновенья. Даю слово рыцаря, отныне я трижды подумаю, прежде чем бросать вызов гному, ведь даже в рукопашной схватке

подгорные воины чрезвычайно храбры и умелы — пусть им не хватает длины рук или ширины шага, но скорости и ловкости им не занимать.

Таким образом, атака была отбита на всех направлениях, кроме одного, еще до вступления в рукопашную. Но имелся и участок, который не могли обстреливать гномьи турели — на южной оконечности лагеря, на противоположной стороне от места их размещения. Чтобы уничтожить орков, шедших с юга, гномам пришлось бы вести огонь сквозь нас, так как высоты холма явно не хватало для стрельбы поверх голов. Здесь оркам удалось подойти вплотную, несмотря на световые гранаты саперов, и мы сошлись с ними в рукопашной, пустив в ход скипетры да мечи, давно уже изголодавшиеся по честной схватке. Вот тут-то и выяснилось, что за приспособления гномы успели соорудить за нашими рядами. Аккуратно вкопанные в землю столбики с навершием, богато украшенным изящной резьбой, распространяли особую ауру, придающую силы окружающим воинам, повышающую выносливость и храбрость. Позже один из саперов рассказал мне, что эти предметы называются тотемами Гранитных Предков и служат проводниками доблести старинных героев его народа. Благодаря тотемам, мы сражались так, словно защищали не две дюжины телег с камнями, а священное кладбище магистров. Орки явно не ожидали столь яростного отпора, да и сокрушительный разгром остальных отрядов выбил их из колеи — всего через несколько минут сечи они отступили, откатились обратно в пустыню, оставив в общей сложности около полутора сотен трупов. Наши потери, благодаря мастерам-гномам, составили лишь немногим более десятка человек...»

Запись из дневника
лорда Бриона де Воллмонда,
датированная двадцать четвертым
днем весны 218 года до Последнего Мора

Запись на этом не заканчивается, далее в ней следует преподобнейшее перечисление трофеев, захваченных в битве, но я взял на себя смелость избавить от него и себя и вас, мои читатели. Главное мы уже увидели — подгорные жители были весьма подготовлены к ведению боевых действий. Тем не менее, это единственный из живущих под нашим небом народов, который никогда не проводил захватнических походов, никогда не вторгался в чужие владения, никогда не нападал первым. Их история представляет собой постоянное противостояние внешним силам, пытавшимся так или иначе поработить или ограбить гномов. Судите сами.

Первое упоминание о гномах - это отрывок из эльфийской книги «Размышления-Об-Окружающих-Землях-И-Народах-Их-Населяющих». К великому сожалению, наша библиотека не располагает копией этого древнего труда, потому привести здесь цитату я не смогу, а лишь перескажу в общих чертах: одна из эльфийских Матерей-Настоятельница, неизвестно зачем путешествовавшая по северным областям, мельком наблюдала в предгорьях Торгорского Кряжа странных низкорослых созданий, прежде невиданных. Создания эти с помощью железных молотков пытались соорудить нечто вроде примитивного подъемного крана, чем весьма и весьма удивили досточтимую Мать-Настоятельница.

Всего через сотню лет эльфы, расширяя свои владения — а в те времена они владели всем известным миром - снова оказались в суровых северных горах. Климат здесь был слишком неприветливым для них, но звание высшей расы, взваленное на себя, обязывало покорять все новые территории. Первые несколько экспедиций бесследно исчезли, несмотря на наличие в их составе прекрасно подготовленных боевых магов. Тогда было принято решение направить в горы большой карательный отряд, дабы окончательно и бесповоротно искоренить любые

попытки сопротивления среди местного населения — а при необходимости, это самое население полностью уничтожить. Эльфы никогда особенно не церемонились с теми, кого считали недостаточно развитыми. Впрочем, они и друг с другом никогда не церемонились.

Отряд карателей ушел в горы. Вернулся всего один уцелевший: Лиара-Звездный-Смех, боевая монахиня, следовавшая Дорогой Огня. С ее слов был записан отчет о походе, впоследствии вошедший в эльфийскую летопись «Свидетельства-Неспокойных-Времен», прекрасно сохранившаяся копия которой, к счастью, находится в библиотеке нашего замка. Отчет, как и все эльфийские документы, изобилует массой подробностей, пространными описаниями, не имеющими особого отношения к интересующим нас событиям. Поэтому я позволю себе привести лишь несколько отрывков из него:

«Вход в пещеру мы обнаружили только на следующее утро. Чуть ниже этой черной округлой дыры, в расщелине, среди замшелых камней лежало несколько полуразложившихся тел, которые не могли принадлежать никому, кроме участников предыдущих экспедиций. Стало ясно, что внутри нас поджидает нечто по-настоящему опасное».

«В скале вырублены узенькие ступени, явно не предназначенные для наших ног, поэтому передвигаться по этим коридорам с привычной скоростью не получается, приходится постоянно следить за тем, чтобы не споткнуться. Тут нет никаких светильников, хотя, судя по скобам на стенах, сняли их совсем недавно. Мерзкие подземные крысы пытаются как можно сильнее усложнить нам передвижение».

«Нарвались на некое устройство, взорвавшееся при нашем приближении. Установленное сразу за поворотом коридора, оно сработало неожиданно и эффективно — благодаря начинке из гвоздей и кусочков железа, сила поражения возросла невероятно — практически разорвав в клочья шедших впереди и серьезно ранив очень многих. Изучить принцип действия не представляется возможным».

«Снова ловушки. Еще три взрыва, один обвал породы, два упавших бревна и одна яма с кольями. Наша численность уменьшилась почти вдвое, а мы еще не успели встретить ни одного коротышки. Алсаи, эта морозная выскочка, предлагает повернуть назад. Но теперь, после того, как Виенне взрывом оторвало голову, отрядом команду я, а потому мы будем продолжать спуск. Никто и никогда не заставит отступить идущих Дорогой Огня».

«Алсаи мертва. Синюшная мразь посмела бросить мне вызов, и я сожгла ее заживо — в тесных коридорах никому не скрыться от ярости первородного пламени. Вскоре после этого из отряда исчезли трое замыкающих. Возможно, лабиринт погубил их, как погубил многих прежде, но скорее всего, жалкие трусы попросту дезертировали».

«Я осталась одна. Обрушившийся мост забрал с собой в бездну последних моих спутников. Смысла продолжать путь нет — что толку в храбрости, если вновь никому не удастся вернуться. Следующий отряд нарвется на те же ловушки, и проклятые карлики опять будут праздновать победу. Я отступаю, но не сдаюсь. Я покидаю поле боя, но только для того, чтобы вернуться и выжечь здесь все живое, до дна самых глубоких колодцев. Ни один бородастый уродец не избежит моего гнева».

перевод с эльфийского выполнен
братом Зерисом

в 348 году до Последнего Мора

Из приведенных отрывков следует, что уже в те далекие времена гномы освоили пороховые технологии, хотя еще и не доросли до разработок огнестрельного оружия. Тем не менее, их излюбленная тактика — отступить, оставив противнику набор разнообразных смертельных сюрпризов — уже прекрасно работала. В течение последующих десятилетий эльфы регулярно отправляли в подземелья Торгорского Кряжа боевые отряды, и гномы раз за разом уходили в глубину, любезно позволяя агрессорам самостоятельно гибнуть на верхних уровнях.

Кстати говоря, именно разногласия по поводу Горной Кампании (а так эльфы величали свои затянувшиеся попытки подчинить Торгорский Кряж) стали одной из косвенных причин гражданской войны, разрушившей эльфийское господство и превратившей Карраз-Гул из плодородной равнины в сухую пустыню. Гномы, избавившись от врага, принялись развиваться семимильными шагами. Уже к 950 году до Последнего Мора они подчинили энергию пара, получив движущую силу для большинства своих машин. Изобретения ускоряли процесс земляных работ — и когда сеть тоннелей и шахт охватила все подножие Торгорского Кряжа, было объявлено о создании Глубинной Империи, единого государства гномов.

Империей это образование называлось лишь формально, поскольку Император, хоть и передавал титул по наследству, все же не обладал абсолютной властью. Он являлся главнокомандующим и верховным судьей, носил звание Лучшего Сына Первопредков, но всеми внутренними делами Империи управлял Конклав Гильдий — совет, в который входили старейшины всех цеховых объединений, а их у гномов хватало. Наиболее влиятельными, пожалуй, можно считать следующие шесть:

Гильдия Хранителей Предков — по сути, религиозная организация, отвечавшая за создание изваяний Гранитных Предков и поддержание их в надлежащем виде.

Гильдия Рудокопов — занималась прокладкой тоннелей, добычей руды, минералов и полезных ископаемых; наиболее многочисленная из всех.

Гильдия Мастеровых — занималась изобретениями, заведовала разработкой и изготовлением новых механизмов и оружия; некоторые отделения практиковали алхимию.

Гильдия Мудрецов — хранила знания о прошлом, предсказывала будущее; отвечала за составление летописей и прогнозов.

Гильдия Купцов — осуществляла торговлю с другими народами, в основном — с королевствами людей; также контролировала обмен ресурсами внутри Империи.

Гильдия Воителей — занималась подготовкой и содержанием армейских частей; из-за особенностей ведения войны, у гномов чаще всего в армию призывались инженеры из Гильдии Мастеровых и саперы из Гильдии Рудокопов.

Кроме того, известно о существовании гильдий Сказителей, Картографов, Скульпторов, Ораторов — но все эти объединения были достаточно малочисленны и никакого особого воздействия на жизнь государства не оказывали.

На восток от Торгорского Кряжа лежат владения людей, и гномы давно уже познакомились с непостоянством своих высоких соседей. После исчезновения эльфийской угрозы люди, раньше только пугавшие гномами своих детей, начали воспринимать низкорослых работяг всерьез. Немало королей польстилось на сказочные богатства, добываемые в недрах, немало армий подступало к входам в подземелья, надеясь на быструю победу и богатую добычу. Поначалу гномы применяли привычную стратегию — уходили вниз, встречая преследователей хитроумными ловушками и капканами. Но после провозглашения

Глубинной Империи пускать врага в подземные чертоги стало считаться недопустимым, поэтому повсюду, на всех склонах и отрогах Торгорского Кряжа начали расти наземные крепости, служившие и заводами, и складами, и фортами — об одной из таких цитаделей вы уже читали в приведенной выше дневниковой записи Лорда Воллмонда.

В 602 году до Последнего Мора объединенные армии трех королевств, подкрепленные силами только что созданного Ордена Паладинов, взяли штурмом крепость Раллдрунг, что стоит на восточных рубежах Глубинной Империи, на самом берегу Зубастого залива. Так началась Война за Подгорные Просторы, продолжавшаяся семь лет и унесшая огромное количество жизней с обеих сторон. В итоге гномам удалось вытеснить людей из своих владений, и до больших битв дело больше не доходило, хотя стычки на пограничных территориях продолжались еще три десятилетия. Потом конфликт сошел на нет сам собой, так как оба народа были вынуждены обратить свои силы против орков.

Общий враг сплотил бывших противников, и уже в 543 году до Последнего Мора между Глубинной Империей и тремя королевствами людей был заключен мир. День подписания мирных договоров с тех пор считался у гномов праздником и отмечался на четырнадцатые сутки осени как День Спокойствия На Востоке.

Следующие пятьсот лет подгорные жители воевали только с зеленокожими варварами, что с устрашающим постоянством совершали набеги на форпосты, расположенные на южных отрогах Торгорского Кряжа. Потому гномы и смогли достичь технического совершенства, столь красочно описанного лордом Воллмондом.

Все было бы прекрасно, если б не ужасный итог. Неутомимые, но слишком любопытные подземные труженики, расширяя свои владения, зарывались все глубже и однажды обнаружили нечто, с чем не могли совладать. Простоявшая сотни лет Глубинная Империя прекратила свое существование в считанные дни: все, кто не успел вовремя покинуть ее, лишились рассудка и погибли: в тесных коридорах и величественных залах пещерных городов шла непрерывная кровавая бойня — обезумевшие гномы уничтожали друг друга, сражаясь до тех пор, пока могли держать боевые молоты. Брат шел на брата, соратник на соратника, а сын поднимал руку на отца.

Уцелевшие зареклись никогда не возвращаться в оскверненные подземные чертоги, превратились из могучих хозяев Севера в бездомных бродяг. Странствуют горные жители по дорогам опустевшего мира, сражаясь за пропитание и выживание, осиротевшие и отчаявшиеся. Вместо будущего нас всех ждет бездонная черная пропасть, и гномы понимают это лучше других народов — они ведь превосходно разбираются в пропастях.

ЭЛЬФЫ

До недавнего времени люди моего поколения почти не сталкивались с эльфами. Некогда могучий народ, постигший все законы мироздания, способный повелевать стихиями, уже много сотен лет ведет замкнутую, спокойную жизнь среди гор Южного Арганайского Хребта. В долинах, богатых виноградом, раскинулись древние города, еще не полностью утратившие былое величие, а на неприступных скалистых вершинах возвышаются монастыри, хранящие секреты, за которые любой король отдал бы немалые богатства. И, несмотря на то, что в последние полтора века единственным напоминанием о существовании эльфов было превосходное арганайское вино, влияние их цивилизации на историю мира невозможно переоценить.

Они появились здесь первыми. В соответствии с самой распространенной точкой зрения, были сотворены богами из материи и пустоты — древесная кора и вода ручьев послужили основой для плоти, а непрерывно изменяющееся небытие Внешнего Хаоса стало образцом для души. Существуют и другие легенды, многие из которых в давно минувшие времена были объявлены ересью, а те, кто рассказывал их, нещадно карались. По самой безобидной из таких легенд, эльфы пришли сюда из иной вселенной, погибшей из-за их тщеславия и гордыни. Еще одно подобное предание гласит, будто мир наш изначально задумывался богами как тюрьма, место ссылки для предков нынешних эльфов — столь велики и ужасны оказались их преступления.

Но сказания останутся сказаниями, а истины нам не узнать никогда. Впрочем, очень многое говорит в пользу первой версии: и чудесная способность Старшего Народа к магии, и их невероятное долголетие — не верится, что подобными дарами наградили бы изгоев или преступников. Тем не менее, тропы и решения богов не познать смертным, а потому оставим вопрос о происхождении перворожденных открытым. Доподлинно известно лишь то, что они помнят создателей, ибо те подробно и тщательно описаны ими в самых ранних летописях.

Во времена молодости мира эльфы обитали в южной части огромной равнины Карраз-Гул, лежащей в середине известных земель. Тогда это был богатый и благодатный край, полный тепла и солнечного света, способный прокормить множество поколений. Ничто не мешало перворожденным развивать искусство и культуру, заботы о хлебе насущном не отвлекали их от занятий магией. Магия стала чем-то средним между религией и наукой: эльфы, плоть от плоти окружающей вселенной, чувствовали биение ее сердца, без труда улавливали потоки сил, движущихся за пределами зримого, вращающих колеса бытия — и направляли эти потоки в нужные им русла. Тогда же родилось представление о семи стихиях, сплетение которых рождает все существующее — основа основ в современной алхимии.

С помощью ветра, льда и пламени перворожденные возводили величественные каменные города, храмы и статуи, строили обсерватории для наблюдения за звездами. Полноводные реки, текущие с гор, питали пышные сады, наполняли энергией многочисленные водяные мельницы. До наших дней дошли подробные описания хрустальных фонтанов на площадях, спиралевидных башен и шпилей, цепляющихся за облака. Эльфы тратили свои долгие жизни на творчество и созидание.

С самого начала времен у них был матриархат, благополучно сохранившийся до сих пор. Эльфийские женщины занимали все руководящие посты, принимали все важные решения, занимались строительством. Причина у этого только одна, простая и банальная: мужчины,

как ни странно, имеют гораздо меньшие способности к магии. Между тем, волшебство является основой жизни перворожденных, главным рабочим инструментом, единственным средством влияния на окружающую действительность. Тот, кто может колдовать, обладает властью — с этой точки зрения магия ничуть не возвышенной обычного меча или дубины. А потому стоит ли удивляться, что основу эльфийской армии всегда составляли женщины?

Кстати говоря, на эту тему в нашей библиотеке имеется весьма внушительный трактат - «Матриархат в общинах Арганайского Хребта: причины, характерные особенности, анализ возможных путей развития». Но текст сего примечательного исследования не менее тяжеловесен, чем его заглавие, а потому я лучше приведу здесь фрагмент воспоминаний влиятельного и знаменитого купца Джааса Рэя, который в 302 году до Последнего Мора прибыл в один из эльфийских городов для переговоров о поставках вина.

«У остроухих повсюду верховодят женщины. Я и раньше об этом знал, но только теперь увидел собственными глазами. Все-таки, пока сам не столкнешься с чем-нибудь странным, сложно в него поверить, сколько бы достойных людей тебя ни убеждало. Так вот, эльфы действительно подчиняются бабам и делают вид, будто это абсолютно нормально. Воины у них тоже женщины — монахини из горных монастырей, что-то вроде наших Паладинов, только стройнее. Вообще, слабо представляю себе, сколько такие хрупкие девушки могут завоевать. Конечно, говорят, их сила в колдовстве, но в честной рукопашной схватке им не продержаться и пары минут: даже я, давно уже потерявший форму (заплыл жирком основательно, чего греха таить), справлюсь с подобными вояками без труда. Скажу откровенно: иногда, особенно ежели со спины посмотреть, так и не прочь бы справиться с одной-двумя. Если вы понимаете, о чем я. Но это только до тех пор, пока они к тебе лицом не повернутся — потому что там такая жуть, что аж оторопь берет. Глазищи — как две ямы, уши длиной в ладонь, черты человеческие, но под ними будто проступает нечто звериное, дикое. Ну и смотрят на тебя, как на слизняка, вроде как раздумывают, раздавить или позволить ползти дальше.

<...>Командуют всем Матери-Настоятельницами. Суровые тетки, каждая из которых старше моего прапрапрадеда, но стройнее моей внучки. Одна из них, собственно, и подписывала договор. Попусту не болтают, времени зря не тратят — четко и ясно дают понять, что общение с нами им неприятно. Мы же для них по-прежнему низшая раса, недоделки, потешная причуда природы. Такого высокомерия мне не встречалось даже на аудиенциях в Заставных Башнях, а уж там я насмотрелся всякого.

Мужики тоже попадались. Такие же тонкокостные, хрупкие, словно игрушечные. Они подметают пыль на лестницах и улицах, готовят пищу, грузят товары, стирают одежду — короче говоря, выполняют всю черную работу. Вроде как к волибе не способны, а значит, стоят на ступень ниже, где-то между своими женщинами и нами. Несчастные создания, мне даже стало их немного жаль: мы-то стерпим, утремся и уедем, а им оставаться там надолго. Очень надолго. Мои правнуки успеют состариться, а эти бедолаги, что подавали нам еду, так и будут нести свое бремя.

<...>Покидал я город с облегчением. Хоть и есть на что посмотреть и чему подивиться, да только выморочное это место, нам, людям, непонятное и для нас не предназначенное. Все там иначе, все наоборот, все через черный ход. Глядя на заброшенные, заросшие мхом башни, давно растерявшие красоту, понимаешь, что и народ, создавший их, находится в том же самом положении: его время прошло, а он все стоит, бессмысленный, никому не нужный. От былого величия осталась лишь злобная гордость да длинные уши».

записано со слов Джааса Рэя,
им самолично заверено и подтверждено
на пятое утро зимы 301 года до Последнего Мора

Размышления купца во многом верны, но не будем больше забегать вперед. Вернемся пока в далекое прошлое, когда эльфы переживали период расцвета. Нам практически ничего неизвестно об их государственном устройстве в первые эпохи. Предполагается, что титул Матери-Настоятельница существовал уже тогда, но функции у его обладательниц отличались от современных. Вероятно, они напрямую общались с богами, еще жившими в мире, и передавали их волю остальному народу. Век проходил за веком, в благополучии и покое, без причин для волнений, без опасностей, без испытаний. Эльфы заселили весь Карраз-Гул, хотя северные окраины, холодные предгорья Торгорского Кряжа, не привлекали их.

А потом боги создали людей и покинули мир. О причинах этого можно размышлять сколь угодно долго, и потому я посвящу тем странным и трагическим событиям отдельную главу. Пока же перейдем непосредственно к последствиям. Молодая раса, чьим домом были северо-восточные равнины и возвышенности, быстро собралась с силами и начала экспансию на юго-запад, в куда более плодородные просторы Карраз-Гула. Примитивное вооружение, слабые магические способности и уязвимость с лихвой искупались храбростью, напором и физической силой. У людей имелось одно неоспоримое преимущество перед эльфами — на мой взгляд, именно оно сыграло решающую роль в ходе истории. Я имею в виду срок жизни.

Люди, ограниченные несколькими десятками лет, развивались невероятно быстрыми темпами, стремясь обеспечить будущим поколениям лучшие условия существования. Они совершенствовались в военное дело, инженерию, архитектуру, алхимию, осваивали земледелие — все для потомства. Они не боялись смерти в бою, зная, что сражаются ради детей.

У эльфов, которые не стареют до тех пор, пока не угаснет воля к жизни, деторождение никогда не пользовалось особой популярностью. Все, созданное ими, создавалось ради себя. С одной стороны, это породило тот самый эгоизм Старшего Народа, о котором так хорошо рассказал виноторговец, а с другой привело к разобщенности и неспособности полноценно противостоять угрозе с востока. Эльфийки, не имевшие детей и планировавшие жить еще века и века, не видели смысла гибнуть в боях с белокожими варварами, бесстрашно идущими сквозь волны смертоносных заклинаний. В результате людям удалось достаточно быстро оттеснить противника вглубь Карраз-Гула, отвоевав для себя обширные земли.

Однако после ухода богов среди перворожденных возникло убеждение, будто теперь они оставлены в мире за старшего — это учение получило название Пути Первородного Долга и послужило базой для формирования института колдовских монастырей. На величайших вершинах Арганайского Хребта поднялись башни этих загадочных цитаделей, в которых отныне специально отобранные эльфийки обучались премудростям боевой магии. За всю историю никому из смертных не удалось побывать в подобном монастыре (хотя одно исключение все-таки имело место, но оно весьма специфично, и о нем я обязательно поведаю впоследствии), потому мы не располагаем сведениями о принципах и процессе тренировок боевых монахинь Старшего Народа.

Известно лишь, что в каждом монастыре изучалась одна из двух наиболее опасных стихий — пламя или лед. Соответственно, учение вскоре разделилось на два основных направления: Дорогу Огня и Дорогу Мороза. Изолированность и уже не раз упоминавшееся высокомерие снова сыграли злую шутку с эльфами: монахини, следующие разными Дорогами, вскоре начали презирать друг друга, пожалуй, даже больше, чем общих врагов. Однако сказалось это далеко не сразу. На первых порах эффективность новых воительниц превзошла любые

возможные ожидания: всего через полторы сотни лет после возведения первого монастыря отряды волшебниц огнем и холодом опустошили пограничные людские территории, отогнав захватчиков обратно на восток.

Наступила эпоха относительного затишья, продолжавшаяся на протяжении нескольких человеческих поколений. Ходят слухи, что именно в этот период Матери-Настоятельница наиболее влиятельных монастырей всерьез озаботились отсутствием в своих войсках солдат, предназначенных для контактного ближнего боя. Для того чтобы покорить человечество, им нужно было обзавестись воинами, способными сдерживать натиск панцирной пехоты людей. Морозные монахини худо-бедно справлялись с этой задачей лишь в сражениях с небольшими или разрозненными отрядами, а вот сплоченный строй сметал их в мгновение ока. Тогда-то в подземельях храмов Карраз-Гула и начались эксперименты по выведению новой расы — могучей, выносливой, агрессивной, не способной рассуждать. Исходным материалом стали болотные обезьяны джунглей Ру-Аркха. Но эльфы, несмотря на все свое совершенство, не были богами, и результат их работы оказался весьма неожиданным.

Впрочем, повторю еще раз: это всего лишь слухи, до сих пор не подтвержденные (но и не опровергнутые) ни одним известным документом. Само существование болотных обезьян не доказано, и воспринимать подобное всерьез неразумно. Добавлю лишь, что среди гипотез о происхождении орков эта — далеко не самая нелепая.

Вернемся к нашей теме. Несмотря на постоянную угрозу новой войны с людьми, эльфы начали еще и так называемую Горную Кампанию (см. главу «Гномы»), которая тоже, пусть и понемногу, вытягивала силы из их слабеющей державы. Летописи тех времен полны тоски, страха перед надвигающимися катаклизмами и неизбежными переменами. Предчувствие не обманывало перворожденных, но они ошибались, предрекая страшное вторжение восточных варваров или северных недоростков.

Катастрофа разразилась внутри. Назревала она давно, словно коварная болезнь, которую не увидеть, пока не грянет приступ. Разногласия между монастырями росли, недовольство друг другом все чаще выливалось в открытые конфликты. По сути, гражданская война уже началась, но она тлела, словно торф при лесных пожарах, внизу, незаметная для глаз. Рано или поздно должно полыхнуть, но когда и где — не знает никто.

Полыхнуло в 1000 году до Последнего Мора, на Синклите Огня и Льда, общем собрании Матерей-Настоятельниц всех монастырей. В «Свидетельствах-Неспокойных-Времен» есть подробное описание произошедших событий — это последние страницы летописи. Приведу здесь выжимку из текста, по возможности очищенную мной от абстрактных размышлений и типичного эльфийского переливания из пустого в порожнее:

«Алайра-Ночной-Шепот, Мать-Настоятельница монастыря Сотни Ступеней, бросила вызов Сианне-Вьюжный-След, Матери-Настоятельнице монастыря Полной Луны, обвинив последнюю в трусости и неспособности завершить Горную Кампанию. Вместо ответа Сианна атаковала обвинительницу прямо в зале Синклита. Магический поединок длился недолго: застигнутая врасплох Алайра не успела даже поднять рук — волна холода сковала ее ладони, захлестнула торс, покрыв кожу тонким слоем инея. Следующий удар, нанесенный уже вплотную, заморозил тело полностью. Сианна-Вьюжный-След подошла к ледяному изваянию, в которое превратилась ее противница, и очень осторожно извлекла глазные яблоки, после чего бросила их на пол, разбив на множество мелких осколков. Потом, взяв серебряный стилет, она несколько раз пронзила им лицо и грудь Алайры, обрекая ту на медленную и мучительную смерть при оттаивании».

«Матери-Настоятельница монастырей, следующих Дорогой Огня, возмущенные столь бесцеремонной и отвратительной жестокостью, покинули Синклит, объявив Полную Луну и саму Сианну отверженными. Но подавляющее большинство морозных монахинь встало на сторону своих спутниц, утверждая, что Алайра справедливо поплатилась за клевету.

Никто не был готов идти на компромисс, и вечером того же дня столкновения между идущими разными Дорогами приняли масштабный характер. Сианна-Вьюжный-След, решив воспользоваться сложившейся ситуацией, объявила войну монастырям Огня, окончательно ввергнув общество в хаос. Повсюду мороз и пламя сошлись в смертельном поединке. Маги иных стихий, не имеющие серьезной боевой подготовки, не могли повлиять на события».

«На десятый день после зимнего солнцестояния к Храму Синклита подошел большой отряд Сестер Огня — подкрепление, прибывшее из монастырей Хранящих Свет и Единого Солнца. Не утруждая себя переговорами, они начали штурм Храма, однако, потерпев неудачу, взяли его в осаду. Сианна-Вьюжный-След ожидала, что ей на помощь придут Настоятельница других обителей Мороза, но те не торопились выручать свою лютую сестру, вместо этого занявшись разграблением владений врагов. Отчаявшись, Сианна с группой соратниц попыталась вырваться из окружения, но, встретившись с яростным натиском Сестер Огня, вынуждена была отступить обратно в Храм. Крепкие ворота и высокие стены, хранившие осажденных от вражеских заклинаний, превратились в ловушку, из которой не вырваться без посторонней помощи. В подвалах Храма не нашлось запасов продовольствия, а единственный колодец с питьевой водой начал пересыхать. На двадцать восьмой день после зимнего солнцестояния среди осажденных появились первые умершие от голода, те же, кто еще жил, окончательно обессилели и пали духом.

Убедившись, что подмоги ждать неоткуда, Сианна пришла в ярость и совсем потеряла голову. Ослепленная ненавистью, крепко замешанной на страхе, она обратилась к знанию, о котором наш народ уже много столетий старался забыть. В Начальные Дни, делясь с перворожденными своей мудростью, создатели рассказали нам о бездне между мирами, о тварях и существах, обитающих там: о демонах с непроизносимыми именами, о забытых богах давно погибших вселенных, о необъятных чудовищах, спящих на волнах небытия.

Даже разговоры о подобном были запретны, но, будучи Матерью-настоятельницей, Сианна-Вьюжный-След, разумеется, имела доступ к тайным книгам — и, как оказалось, внимательно их изучала. Она распахнула врата в бездну, призвав на помощь жителей пустоты. Тем самым погубила себя, всех оставшихся соратниц и половину мира в придачу, ибо сущность, пришедшая из безвременья, была настолько чуждой, что разум Сианны не смог выдержать ее ужасного великолетия...»

перевод с эльфийского выполнен
братом Зерисом
в 348 году до Последнего Мора

Далее в тексте следуют очень многословные рассуждения на тему: как могло выглядеть нечто, явившееся в Храм Синклита сквозь портал, открытый свихнувшейся старой эльфийкой — и, главное, выглядело ли оно хоть как-нибудь вообще. Дело в том, что не уцелело ни одного свидетеля. Тварь из междумирья сразу начала пожирать жизнь из окружающего пространства: трава вяла и рассыпалась пылью, деревья засыхали, птицы падали наземь, вода протухала, эльфы в считанные секунды старились и умирали, не успев даже понять, что с ними происходит. Сестры Огня, окружившие Храм, сгнули бесследно. Мощь и аппетит монстра были таковы, что волна гибели, вызванная его появлением,

распространялась во все стороны со скоростью быстро бегущего человека (это официально задокументированный факт). Перворожденным ближайших городов, утонувших в хаосе гражданских беспорядков, попросту не хватило времени что-либо предпринять.

Так наступил внезапный и страшный конец эльфийского владычества. Когда тварь насытилась (или, что вероятнее, врата Сианны сами собой захлопнулись, ведь их некому было поддерживать) Карраз-Гул превратилась в ту безжизненную пустыню, какой мы ее знаем теперь. Из почвы были высосаны все соки, и больше здесь ничего не могло расти.

Потери Старшего Народа не поддавались никаким измерениям: по самым скромным подсчетам, во время катаклизма погибло более двух третей всех эльфов. Великолепная архитектура городов Карраз-Гула, лишенная подпитывающей ее магии, быстро пришла в упадок, и вскоре от некогда потрясающих воображение дворцов и храмов остались лишь изъеденные ветром руины, уныло возвышающиеся среди бесплодных холмов.

Оправиться от удара перворожденные не смогли. Ошеломленные масштабом трагедии, они до сих пор, спустя тысячу лет, не способны забыть о ней. Остатки Старшего Народа живут прошлым, не стремясь к будущему, гордятся древними заслугами и свершениями, не созидая ничего нового. Дорога Мороза была объявлена вне закона, а те, кто продолжает следовать ей, презрительно именуются ледяными ведьмами. Сестры Огня по сей день винят их во всех бедах. Как говорится в старом эльфийском сонете, «Двум враждующим стихиям не дано придти к согласью». Воистину так.

Последние пять сотен лет Старший Народ занимался лишь тем, что постепенно вымирал, вырождался, торговал вином с Королевствами людей и Глубинной Империей гномов, да вел наблюдения за звездами. Младшие расы перестали воспринимать южных соседей всерьез, снисходительно прощая им высокомерие и гордыню.

Но вот настал день, когда подгорные жители освободили Слова, Сказанные во Тьме — и Слова эти услышал весь мир. Последний Мор остро отточенной косой прошелся по оркам, людям и гномам. А эльфов он почти не коснулся. Безумие не обрушилось на города, лежащие в долинах Арганайского Хребта, не проявило себя за стенами горных монастырей. Возможно, причина в том, что перворожденным уже пришлось однажды пережить нечто подобное, возможно, они просто менее восприимчивы к божественным проклятьям.

Так или иначе, но Старший Народ явно пытается обратить катастрофу себе на пользу. В самых разных уголках мира на дорогах замечают отряды эльфиек, преследующие лишь им ведомые цели. Говорят, будто иногда Сестры Огня путешествуют вместе с Ледяными Ведьмами. Скорее всего, это лишь пустая болтовня, но в наши безумные времена даже самый нелепый слух может оказаться правдой, а великое бедствие людей может обернуться шансом вернуть былое могущество для эльфов. Почему бы и нет?

ЛЮДИ

Я долго сомневался, стоит ли писать о человечестве, ведь, в конце концов, сам принадлежу к этому народу, а потому вряд ли могу быть полностью беспристрастным, как должно ученому хронисту. Но я — один из алхимиков, мы веками жили отдельно, созерцали со стороны, наблюдали за окружающим миром, словно за гомункулусом, растущим в колбе. Пожалуй, никто не справится с описанием этого великого божественного эксперимента лучше, чем мы. Поэтому я все же возьму на себя смелость рассказать историю моего народа, не древнейшего и, наверное, вряд ли сильнейшего, но уж точно самого многочисленного и необычного из четырех великих рас.

Людей создали Ушедшие Боги. Так гласят наши предания и эльфийские летописи. Это был их последний дар молодой вселенной. Из песка и глины, из света звезд и воя ветра они слепили новое племя, наделили его именем, жизнью. А потом ушли. Исчезли, сгинув без следа, не объяснив ничего своим детям. Эльфы утверждают, будто боги были расстроены и рассержены тем, что явилось на свет из-под их рук, потому, не способные уничтожить собственное творение, просто-напросто покинули испорченный, оскверненный мир, отправились на поиски нового. Достаточно примитивная точка зрения, призванная свалить на человечество вину за все неприятности Старшего Народа. Справедливости ради нужно отметить, далеко не все эльфы придерживались ее. Уже не раз упоминавшийся труд «Свидетельства-Неспокойных-Времен», несмотря на ярко демонстрируемую неприязнь к людям, отмечает версию о том, что именно они стали причиной ухода богов, именуя ее типично эльфийским словом, которое в переводе означает сразу «несостоятельный», «нелогичный», «невнятный» и «тошнотворный».

Вместо этого автор «Свидетельств» излагает собственный взгляд на древнюю проблему, во многом пересекающийся с учением Первородного Долга, которое в период написания летописи находилось в точке наивысшего расцвета. Судя по нему, исчезновение богов предполагалось изначально: сотворив вселенную, они поместили в ее центр новое поколение — перворожденных — которому в будущем предстояло развиваться в расу богов, а для того, чтобы ужесточить испытание, усложнить путь к совершенству, наполнили вселенную разнообразными врагами: дикими зверями, чудовищами и наделенными разумом людьми, искаженной пародией на Старший Народ. Надо признать, в этой гипотезе, насколько бы дикой она нам сейчас ни казалась, присутствует некое рациональное зерно. В частности, «Свидетельства» делают акцент на короткой жизни людей: якобы, давать разумному созданию столь ничтожный срок бессмысленно, если только оно не предназначено стать пушечным мясом для кого-то другого.

У людей, разумеется, иные представления о своем происхождении, месте в мире, особенно — о взаимоотношениях с Ушедшими Богами. Приведу здесь отрывок из древней легенды, по которой все мы в раннем детстве постигали главную мудрость бытия:

«Сорх, вождь первых людей, тогда отправился на север, туда, откуда прилетали ледяные вьюги и приходили суровые морозы. На шестой день пути узрел впереди высокую гору, на вершине которой восседал Серый Алвинд, Владыка Ветров. Вокруг кружились облака и тучи, закрывая небо, а склоны покрывал ковер из птиц, верных слуг Алвинда. Низко поклонился Сорх, подошел к подножию горы, поклонился вновь, испросил разрешения у бога задать

вопрос. Слаб был голос Сорха, пришлось птицам передавать его просьбу по цепочке до самого верха. Серый Алвинд взглянул с любопытством и дал позволение.

Тогда первый вождь спросил то же, что прежде спрашивал у Зара и Н'рулла: зачем были созданы люди, отчего старость и болезни забирают их столь быстро, не позволяя увидеть даже сотой доли всех чудес мира?

Владыка Ветров не засмеялся над ничтожным человечком, как жестокий Хозяин Битв, не остался глух к его мольбам, как равнодушный Властелин Времени. Выслушав птицу, пересказавшую вопрос Сорха, Серый Алвинд наклонился над ним и заговорил, и голос его был подобен раскатам грома, а от взгляда земля покрывалась льдом.

- Не страшись конца пути, маленький храбрец, ибо его достигают все. Ни в одном из тысяч миров, ни между ними не найти вечности. Бескрайне и бессмертно лишь целое, а все, из чего оно состоит, любой элемент в отдельности, обречен рано или поздно прекратиться и принять иную форму, дав начало новой жизни, которая в свою очередь тоже однажды закончится. Даже мы покинем вас, и это произойдет уже скоро: здесь мы достигли совершенства, новые, еще не созданные миры зовут нас. Мы уходим без сожаления, ибо оставляем после себя нечто поистине прекрасное. Вы же последуете за нами, каждый из вас — в свой срок, но оставите за собой продолжение. Род ваш не прервется, а значит, и вы обретете бессмертие. Утешься, маленький храбрец, тьма не властна над тем, кто творит будущее».

Так началась история людей. Местом обитания первых племен считается равнина Нарморг, каменистое и холодное место, на севере ограниченная черными водами Зубастого залива, а на востоке переходящая в пустынную тундру. Земля здесь — суровая, жадная, злая, и потому земледелие не пользовалось популярностью у первобытных племен. Охота была их делом. Немало времени прошло, прежде чем племена начали двигаться на юг, к зеленым полям и лесам Фархейма, на берега великой реки Джар и ее многочисленных притоков. Тут климат был лучше, спокойнее, мягче, и почва могла прокормить даже самые многочисленные семьи. Появились первые земледельцы, а вслед за ними — скотоводы. На высоких холмах вырастали городища, вдоль рек лепились деревни. Возникло некое подобие государственной власти — конечно, на каждой поляне был свой повелитель, и количество таких «княжеств» не поддается подсчету, но, тем не менее, это можно считать первым серьезным шагом на пути от дикости к цивилизации.

Освоив Фархейм, племена людей обратили свои взгляды на юго-запад, туда, где между Торогорским Кряжем на севере и Арганайским Хребтом на юге лежала удивительная страна Карраз-Гул — плодородная и богатая, способная давать по несколько урожаев в год, защищенная от холодных зим серой стеной северных гор. Обитали в ней странные создания, на людей похожие, но в то же время удивительно отличающиеся, чуждые. Их воительницы, не способные поднять и рогатины, не выглядели серьезными противниками. Разумеется, вскоре люди стали совершать набеги на земли западных соседей, а потом начали полномасштабную экспансию, не только отвоевывая территории, но и постепенно заселяя их.

Именно в этот период началось возвышение нашего народа. Столкновение с развитой эльфийской культурой, к тому времени насчитывавшей уже немало веков, повлекло за собой резкий скачок в развитии. Люди учились у Старшего Народа всему: возводить строения, растить сады, слагать стихи, орошать поля, обрабатывать металлы, кожу и ткани, делать вино и готовить пищу. Разумеется, лишённые возможности практиковаться столетиями, лишённые возможности помогать себе магией, люди достигали совсем иных результатов: наши города и крепости получались более приземистыми, более основательными, лишёнными красоты или

изящества; наши сады страдали от вредителей и плохой погоды; наши баллады не могли разгонять облака, а вино казалось кислятиной по сравнению с Арганайским нектаром, но все это принадлежало только нам, и совершенствовалось от поколения к поколению.

Войны с эльфами практически не прекращались. Старший Народ сопротивлялся неохотно и вяло, но все-таки сопротивлялся, и, разумеется, раздробленные мелкие княжества попросту не могли существовать в таких условиях — рано или поздно должно было возникнуть единое государство.

В 1375 году до Последнего Мора конунг Хадрик Железноглазый, снискавший немалую славу в битвах с перворожденными, объявил себя Королем Всех Людей и повелел остальным конунгам признать его своим сюзереном, в противном случае обещая огнем и мечом привести их к согласию. Началась кровавая междоусобная война, основную роль в которой сыграли не сила и доблесть, а коварство и предательство. Представляю вашему вниманию фрагмент «Иснарской Белой Летописи», который наглядно демонстрирует, каким образом созидалось будущее величие нашего народа.

«Хадрик, конунг Багряного Бора, подчинив половину земель Фархейма, пришел в печаль великую. Горе мне! - говорил он. - Коли я с братьями своими грызусь из-за владений, словно пес из-за кости поганой! Великое зло совершено, и нет теперь мне прощенья. Родичи мои жизни кладут на рубежах закатных, добывая славу, а я по их домам рыскаю, будто вор или зверь лесной. Будь проклят я, да во веки веков!

Уехал Хадрик от всех в дремучую чащу, три раза по десять дней не вкушал пищи, подкрепляя силы одною водой, дабы вычистить скверну из тела. После вернулся в Иснар, вольный город Фархейма, и на площади прилюдно каялся в своих злодеяниях, просил прощения, обещая отплатить золотом каждому, потерпевшему обиду от него. О том проведая, другие конунги возрадовались, ибо пропала опасность, нависавшая над ними.

Вскоре созвал Хадрик их на пир в Багряный Бор, дав клятву, что не причинит никому вреда. Многие насторожились, не поверили Железноглазому, но были те, кто откликнулся на приглашение. На пиру, богатом угощениями и вином, Хадрик со слезами просил простить его преступления, одаривал гостей дорогими подарками. Семь дней продолжался праздник, а на восьмой стали конунги возвращаться в свои владения, довольные и успокоенные.

Как еще три луны минуло, Хадрик вновь созвал вождей на пир, к себе в Багряный Бор, обещая воздать каждому из них великие почести, умолять о примирении. Для пира того забито было два десятка кабанов, столько же баранов, вдвое больше гусей и уток, выкопана дюжина бочек с лучшим вином. Теперь уж съехались все конунги, готовые принять дары богатые, всласть попить и оделить мятежного Хадрика прощением.

Расселись они в воинском чертоге Багряного Бора, вдоль столов, сплошь уставленных яствами. Первый рог поднял Хадрик за павших в боях, за славных героев рода людского — и поддержали его гости. Второй рог поднял Хадрик за Ушедших Богов, творцов всего сущего — и вновь поддержали его гости. Поднесли им по третьему рогу. Поднялся Хадрик, молвил: Пришла пора и о нас речь вести, любезные! Обещал я каждому из вас воздать великие почести, так оно случится! Уже завтра к утру весь Фархейм только и будет говорить, что о дарах, полученных вами в Багряном Бору. Само имя это отныне запомнят до скончания времен, ибо здесь и сейчас я навсегда принесу мир в свое королевство!

При этих словах ворвались в чертог воины Железноглазого, перебили всех конунгов, их сыновей и слуг, никого не пощадив. Кто пытался сражаться, быстро лишился сил, ибо было подмешано в вино особое зелье, от коего человек слабеет и раскисает. Отрубив головы, разослали их с гонцами во все родовые замки да поместья. Те же гонцы везли мошны, туго

набитые золотом, для воевод и старейшин. Наполнились земли Фархейма плачем и воем, горем и гневом, но некому было собирать войска, вести их против клятвопреступника.

Алчность, а не острые клинки, сгубила конунгов, лишила силы их семьи, открыла Хадрику дорогу к самовластью — и алчность же стала основой его правления. Когда кинул он клич, призывая себе на службу новых воинов, обещая даровать им за верность владения поверженных врагов, от желающих не было отбоя...»

писано Старым Ферром
в лето 1349 до Последнего Мора

Единое королевство людей, созданное Хадриком, простояло более двух веков. За это время граница с эльфами отодвинулась далеко на запад, а Фархейм наполнился хорошо укрепленными крепостями, большими городами и широкими дорогами. Именно тогда было основано и наше Братство Алхимиков: закрытое сообщество интересующихся не покорением мира, а его устройством, основополагающими принципами существования. Королевская власть всегда была благосклонна к нам — возможно, потому, что алхимики предсказывали будущее, изготавливали целительные снадобья, яды и зажигательные снаряды. Получив в свое распоряжение несколько захваченных эльфийских цитаделей, Братство перестроило их, превратило их в неприступные твердыни, хранилища сокровенных знаний.

Благоденствие завершилось в 1136 году до Последнего Мора, когда на западных границах появились новые воины эльфов — монахи Огня и Льда, устрашающее и неизвестное ранее оружие. Не готовые к встрече со столь могучим волшебством, армии людей отступали, теряя город за городом, замок за замком. К 1130 году они были отброшены обратно в Фархейм — Старший Народ вернул свои земли почти целиком. Не удалось взять лишь крепости Братства. Алхимики нашли, что противопоставить изощренному колдовству эльфов, и те оставили их в покое, сосредоточившись на других проблемах. Для Братства наступил период изоляции, результатом которого стало множество различных чудес — о них я обязательно поведаю в главе, посвященной непосредственно Алхимикам.

Королевство людей, получив передышку, могло бы нанести ответный удар, но его снова начали сотрясать междоусобные распри. Сокрушительное поражение от эльфов серьезно подорвало позиции династии Железноглазых, а в 1125 году единственный наследник этого рода, Принц Даржон, был убит во время охоты. Начались народные волнения, старательно подогреваемые влиятельными семействами, рвущимися к престолу - и еще через полтора года чернь, взявшая штурмом королевский дворец, выбросила Короля Салеха, отца Даржона, из окна. Бунт достиг своей наивысшей точки.

Претендентов на трон имелось немало, и в течение последующих семнадцати лет они занимались только тем, что душили, травили, вешали и резали друг друга. Благодарение богам, эльфы оказались втянуты в войну с гномами и промедлили с нанесением решающего удара — вполне возможно, воспользуйся они смутой, от человечества тогда не осталось бы ровным счетом ничего.

В 1108 году до Последнего Мора последние оставшиеся три великих семейства наконец поняли, что дальнейшая вражда грозит гибелью всем. Их главы встретились на нейтральной территории, в вольном городе Иснаре, и подписали знаменитый Пакт Трех. Этот документ утверждал разделение государства на три отдельных королевства, те самые, что простояли до Последнего Мора: Нидгард, Круллхольм и Стогворд. Иснар сохранял за собой вольницу, стоя на границе трех земель.

Наступила эпоха восстановления. Вновь отстраивались сожженные города и деревни, распахивались поля, строились мельницы и мосты, жирели стада и рождались дети. Устав от

долгой войны, люди учились жить заново. Вскоре грянула катастрофа в Карраз-Гуле, и даже самые жадные из правителей перестали смотреть на запад, прекрасно понимая, что в сухой пустоши больше нечего искать. Вместо этого они обратили свои взоры на суровые горы Торгорского Кряжа, полные дорогих минералов, железа, серебра и странных маленьких существ с длинными бородами.

В 651 году до Последнего Мора был создан Орден Паладинов — рыцарей-целителей, не подчиняющихся ни одному из королей. История этой организации полна загадок, темных пятен, в ней настолько много непонятого, что целого свитка не хватит на ее пересказ. Светлые, благородные, милосердные, поклявшиеся жертвовать всем ради победы над злом, они сами нередко оказывались настоящими исчадиями бездны. Кое-кто из братьев даже стал обвинять их в Последнем Море, но вскоре выяснилось, что вина лежит на проклятом гномьем любопытстве. Самым большим скандалом без преувеличения можно назвать неприятную историю с Повелителями Теней — колдовской сектой, членами которой являлись многие высокопоставленные Паладины. Одна из глав сего труда будет обязательно посвящена этому жуткому, но весьма любопытному эпизоду.

Как бы то ни было, Орден возник в крайне удачное время, потому что совсем скоро, всего через пятьдесят лет грянула новая, страшная беда, надолго повергшая человечество в ужас: из степей пришли орки.

Первые десятилетия, пока на западных рубежах еще не были возведены Заставные Замки и засеки, орды зеленокожих варваров проникали далеко вглубь Фархейма, сжигая и грабя все на своем пути. В ту пору и была написана знаменитая баллада «Набег», которая даже в наши дни пользовалась непреходящей популярностью в грязных тавернах, пиршественных залах, на сельских ярмарках и у костров:

*Не гони коня — да опусти клинок,
Не гони коня — незачем спешить,
Не гони коня — не успеешь в срок,
Пожалеешь ты, что остался жить.*

*А над пожарищем — плачут вороны!
А над пожарищем — черный дым!
А над пожарищем — небо мертвое,
И ты живых не ищи под ним.*

*Ведь на твоей земле — степные демоны,
Ведь на твоей земле — тебя не ждут.
Зря вернулся ты — здесь спасать некого,
Смерть и тьма нынче правят тут.*

*Да будет пламя — снова до неба!
И на весь огонь — да не хватит воды,
Когда последние твои воины
Сложат головы под пятой орды!*

Впоследствии, когда Орден и сложная система укреплений и оборонительных сооружений встали неодолимой преградой на пути орочьих племен, жизнь в приграничных землях немного наладилась, хотя время от времени кочевникам удавалось прорываться, и тогда

вновь горели села, вновь рыдали сироты, а небо наполнилось стервятниками.

Нашествие Дерзаг-Кага, о котором я уже рассказывал (см. главу «Орки») едва не сломило оборону Ордена — в те критические, по-настоящему судьбоносные годы Паладины проявили себя с лучшей стороны, пусть и вынуждены были обращаться за помощью к Трем Королям. Им удалось отстоять, защитить родную землю, удалось удержать невероятно сильного врага, даже отбросить его, поразить в уязвимое место. Орден начал пользоваться большой славой в народе и среди знати, туда все охотнее шли молодые люди, стремящиеся послужить родине.

Казалось, тьма преодолена, повержена, сокрушена. Казалось, врагов больше не осталось. Повсюду царил мир. На границах людских королевств и орочьих каганатов не звенели клинки, высокомерные эльфы изучали звезды в неприступных горных монастырях, а Глубинная Империя гномов не проявляла интереса к тому, что происходит на поверхности. Эпохи потрясений и подвигов, демонов и героев канули в прошлое, люди наслаждались спокойной жизнью, возводили города и строили планы на будущее, не зная, что им не суждено сбыться.

ХРОНИКИ НАРОДОВ. БОГИ И ДЕМОНЫ

ЧАСТЬ I

Наш мир не существовал извечно. Как и все остальные миры, он был однажды создан посреди пустоты, что мы зовем Бездной. Из иных вселенных только им ведомыми тропами пришли боги — и наделили небытие формой, придали ему свойства, слепили из вымысла реальность.

Первой явилась Сай'Джари, которую эльфы знают как Всевидящую Луну, а мы, алхимики, почитаем под именем Безликой Матери Стихий. Каноническое изображение Сай'Джари — высокое существо в просторном синем балахоне, с лицом, закрытым белой маской. Именно в таком воплощении являлась она своим избранным последователям, хотя, разумеется, это не имеет ничего общего с ее истинным видом. Будучи единым целым с первозданным Хаосом, Безликая могла с легкостью изменять его законы, а потому без труда вызывала возмущения в пространстве и времени, сплетая из них ткань Начального Пламени.

Хаос полыхал, и в этом грандиозном пожаре возникали основные компоненты, необходимые для строительства миров — те самые Семь Стихий, на которых зиждется все современное алхимическое учение: камень, вода, огонь, ветер, мороз, кровь и слово. Тогда, в эпоху зарождения, элементы служили лишь инструментами, представляя собой скорее свойства, нежели нечто действительно материальное.

Сай'Джари наполнила их смыслом, определила каждому задачу и место, создав таким образом существующий порядок вещей во всей его многогранности и неповторимости: камень стал незыблемым фундаментом, вода — универсальным растворителем, огонь — созидателем и разрушителем, ветер — посыльным, мороз — хранителем, кровь — основой жизни, а слово служило средством управления. С тех пор никакое колдовство немислимо без слова, ведь все остальные стихии подчиняются лишь ему.

Из семи элементов Безликая создала сферу мира, заключенную в оболочку из особого металла. Оболочка эта не цельная, она состоит из множества непрерывно вращающихся полос, наполняющих пространство внутри различными силами, действующими в соответствии с определенными законами. Внутренняя поверхность сферы неподвижна и прочно скреплена магическими заклепками — звездами. В центр сферы богиня поместила гигантский шар, ставший впоследствии нашей планетой, окружила его меньшими по размеру — будущими светилами. По первоначальному замыслу светила эти должны были быть абсолютно одинаковыми и вращаться вокруг центрального шара равномерно, так, чтобы на его поверхности никогда появлялось лишнего света мест.

Однако Хаос сыграл с Сай'Джари злую шутку: богиня, несмотря на собственные разум и волю, по-прежнему оставалась его частью, а значит, была непредсказуема и обречена на изменения. То, что произошло с ней, мы сейчас назвали бы раздвоением личности — причем в буквальном смысле: у великой художницы возникла темная сестра-близнец: лживая, непостоянная, стремящаяся к разрушению и уничтожению. Во времена расцвета Арганайской философии многие эльфийские теологи трактовали это несколько иначе: якобы Хаос, как некая единая, замкнутая среда, постоянно стремится к внутреннему равновесию, и, если внутри него что-то рождается, то, значит, что-то другое должно непременно погибнуть. Достаточно долгое существование Безликой Праматери в качестве созидателя качнуло чаши

весов в противоположную сторону, вызвав из небытия ее антипода. Современные теории Братства Алхимиков оспаривают подобную точку зрения, упирая на так называемый Постулат Тавруса, который гласит, что Хаос должен считаться бесконечным и неупорядоченным до тех пор, пока не доказано обратное.

Так или иначе, но темная Сай'Джари, носящая в летописях имя «Химера» или «Ночная Госпожа», обладала всеми качествами своего близнеца, но использовала их в совершенно противоположных целях. Она погасила светила, вращавшиеся вокруг планеты, кроме одного — в последний момент сестра успела остановить ее. Они бросили друг другу вызов, и их битва длилась многие эпохи, вызвав серьезные колебания первопространства вокруг, благодаря чему сюда нашли путь другие существа, бродившие пустынными дорогами Хаоса. Большинство теологов считает (в этом их даже поддерживают философы алхимиков), что схватка Безликих продолжается и поныне, обреченная длиться до скончания времен — ведь, по сути, богиня вынуждена биться сама с собой, а потому ни одна из сторон не в состоянии одолеть другую. Ныне борьба Сай'Джари и Химеры часто используется в аллегорическом смысле, как обозначение вечного противодействия двух равных, но абсолютно разных начал. Например, вот отрывок из одной весьма фривольной песенки, популярной в придорожных кабаках:

*О, изгибы и спины, и плеч белизна,
И взглядов, прячущих страсть, новизна -
Любить чужих жен запрещает мне вера,
Но ее вновь и вновь побеждает Химера!*

Как бы то ни было, остановить вращение небесных тел темная богиня не успела, и они продолжили движение по своим орбитам. То, что продолжает излучать свет, стало нашим солнцем, а все остальные теперь называются лунами. Солнце вращается по внутреннему своду сферы, и может освещать лишь одну сторону планеты — отсюда происходит непрерывное чередование дня и ночи. Луны отражают его свет, и потому видны. Считалось, что на одной из них иногда можно разглядеть белую маску Сай'Джари — во всяком случае, именно отсюда произошло древнее эльфийское имя создательницы. Вскоре после того, как гномы в глубинах Торгорского Кряжа выпустили чудовищное проклятие, эта луна погибла, наполнив часть небосклона россыпью обломков. С чем это связано, не знает никто — во всяком случае, никто из уцелевших.

Но вернемся к предмету нашего разговора. Как я уже говорил, два воплощения Безликой начали бесконечную битву, а шум ее привлек из пустоты новых богов. Из бездонной пропасти появились древние и мудрые существа, обладающие невероятными способностями. Их имена, дошедшие до нас благодаря летописям и легендам, скорее всего, являются плодом чьего-то буйного воображения, но за неимением иных вариантов, будем придерживаться традиционных: Н'рулл, Зар, Аш-Тай, Кайракс и Серый Алвинд. Несмотря на то, что в большинстве источников боги выступают в качестве мужчин, доподлинно известно: как такового пола они не имели, попросту не нуждаясь в нем, ибо в незапамятные времена возникли из пустоты благодаря флуктуациям Хаоса.

Эти пятеро проникли внутрь сферы Сай'Джари, опустили на поверхность центрального шара и, ведомые неизбывной жаждой творчества (ведь только она позволяет получать из старого новое, и лишь степень ее чистоты, незамутненности отличает простых смертных от богов), начали обустроить наш мир.

Все семь необходимых элементов находились у них под ногами — и демиурги не

стеснялись ими пользоваться. Аш-Тай поднял камень, выстроил из него долины, горные цепи. Серый Алвинд наполнил низины водой, создав моря и озера, запустил подземные потоки, научил воду испаряться, образуя облака, и вновь падать вниз дождем. Он же пронизал воздух течениями и ветрами, дав начало всем погодным явлениям. Эльфы не зря называют радугу тропой Алвинда.

Зар, жесткосердный и буйный, прошелся по творениям своих собратьев, вложил в их картины изменчивость, склонность к саморазрушению, выстроил в горах вулканы, наделил тучи способностью извергать молнии и град, а ветер одарил талантом превращаться в ураган. Н'рулл определил каждому явлению срок существования, а Кайракс, мастер слов, свел систему воедино, объяснив ей принципы и законы ее работы.

Мир ожил. В соответствии с замыслами богов, стихии начали взаимодействовать друг с другом, меняя свойства, порождая новые формы бытия. Так, вода и камень при слиянии образовали плодородные почвы, а ветер и кровь наделили их жизнью — возникли первые растения. Всего через несколько тысячелетий повсюду, кроме горных массивов на севере и юге, зеленели леса и луга. Им больше не нужны были творцы, они росли сами по себе, наполнялись примитивными зверями и птицами. На вершинах горных хребтов вода и мороз породили ледники, а в темных глубинах под ними из камня, крови и огня родились магические кристаллы.

Боги были довольны построенным миром. Но хотелось им, чтобы его совершенством, его великолепием могли наслаждаться и другие глаза. Демиурги уже тогда прекрасно знали, что не останутся здесь навечно, а потому мечтали оставить после себя существ, способных воспринимать красоту и любоваться ею. Вот тогда и появились Перворожденные, Старший Народ. По одним источникам, их создали окрыленные вдохновением Н'рулл, Аш-Тай и Серый Алвинд. По другим — эта тройка просто перенесла эльфов из иной, уже знакомой им, вселенной. Есть необъятное множество противоречащих друг другу версий, и ни одна из них в настоящий момент не может быть опровергнута или доказана. А потому каждому из нас остается лишь верить в ту, которая кажется более разумной и подходящей.

Кайракс, повелевающий словами, увидев новых разумных существ, вспылал завистью к своим братьям. Он как никто иной понимал, что создание разума — это наивысшая ступень творчества. Его ревность стала семенем, из которого потом проросло великое зло. Уединившись в северных горах, Кайракс пытался самостоятельно соединить камень, кровь и слово воедино, но не достиг никаких результатов. Хотя некоторые из историков, указывая на возникших много позже гномов, делают вывод, что Кайракс все же преуспел, однако для того, чтобы итог его трудов проявился, потребовалось огромное количество времени. Эти гипотезы также весьма спорны, но не лишены оснований — ведь «гранит не суетится», как говорят бородатые подземные умельцы.

Полагая, что потерпел неудачу, Кайракс в отчаянии предпринял вторую попытку — там, где теперь возвышается плато Ру-Аркх, он смешивал стихии, выстраивая из них нечто живое, наделенное способностью мыслить. Однако эльфийские летописи весьма категоричны относительно финала:

«Год за годом, пробуя различные сочетания, наполняя их светом лун или дуновением ветра, высекая искру сознания из густых испарений болот, воздвигая силуэты из ночных теней, наделяя их плотью из топких глубин, Кайракс-Оратор работал над новой жизнью — но работал безуспешно. То, что выходило из-под его рук, не обладало разумом и могло послужить лишь пародией, нелепым издевательством над прекрасным Старшим Народом.»

Эльфийские хронисты не забывают хвалить себя, но, тем не менее, не грешат против истины — Кайракс снова и снова терпел поражение. И с каждым новым провалом все глубже разверзалась в его душе пропасть зависти, и поднимался из ее глубин душный дым ненависти. Бесперывное противоборство света и тьмы в этом случае завершилось безоговорочной победой Химеры. Кайракс больше не встречался с собратьями — уединившись на краю земли, копил он злобу, бессмертный, могущественный, но не всесильный. Кстати говоря, создания, упоминающиеся в приведенном выше отрывке, вполне могут быть легендарными болотными обезьянами, мифическими прародителями орков. Ни в одной известной нам эльфийской летописи эти существа не упоминаются, ни в одной из алхимических цитаделей не найти даже кости болотной обезьяны, и все, чем мы располагаем — это орочки сказки да несколько устных, часто противоречащих друг другу историй, не вызывающих особого доверия.

Солнце продолжало вращаться вокруг планеты, боги продолжали трудиться, непрерывно исправляя, обновляя, дополняя уже сделанное, придавая миру знакомые нам очертания. Постепенно эльфы разочаровали их. Сам Старший Народ никогда не признает подобного, но любой человек, достаточно подробно изучивший историю тех времен, непременно придет к похожему выводу. Демиурги увидели, что перворожденные увлечены собой, а не окружающим их великолепием — длинноухим не было дела до мира, они не собирались познавать или дальше совершенствовать его, вместо этого сосредоточившись на собственных удовольствиях.

Тогда боги решили создать новый народ. Народ, не имеющий возможности жить вечно, лишенный умения творить высшую магию. Народ, способный и вынужденный стать полноценной частью вселенной. Естественно, речь идет о нас, людях.

С разных концов света собрались демиурги на совет. Все, кроме Кайракса — тот, без сомнения, слышал зов, но являться на него не спешил. Без него, вчетвером, они не решились начинать, ибо стремились к совершенству и боялись вновь допустить ошибку. На поиски Кайракса отправился Аш-Тай, повелитель земли.

Обойдя самые удаленные уголки мира, он нашел мятежного духа среди непроглядных джунглей Ру-Арка. И в тот момент, когда закончил приветственную речь, Кайракс без предупреждения напал на него. Их поединок подробно описывает «Баллада о Схождении Мрака», старинная эпическая песнь, несколько веков назад непременно звучавшая во всех пиршественных залах. С тех пор ее высокопарный слог успел выйти из моды, но для наших целей это значения не имеет. Предполагается, что баллада представляет собой попытку перевода древней эльфийской песни скорби.

*Средь высоких дерев,
Где повсюду лишь тень,
Бурно плещется гнев,
Пожирающий день:*

*«Повелитель Аш-Тай,
Сам Хозяин Земли,
Свою жизнь защищай,
О пощаде моли!»*

*Но Кайраксу в ответ:
«О, приди в себя, брат!»*

*Здесь врагов твоих нет,
А я так тебе рад...»*

*Молний черных клубок -
Не отбить, не стерпеть -
Рухнул каменный бог
На разбитую твердь.*

*Враг тяжелой пятой
Ему на грудь наступил,
И в трясине густой
Брата он утопил.*

Страшная и внезапная гибель Аш-Тая шокировала остальных демиургов. Н'Рулл, Зар и Серый Алвинд ополчились против Кайракса. Тот отчаянно сопротивлялся, но не смог справиться с разъяренным Заром. Его пленили и лишили силы.

Долго думали трое богов, как поступить с преступником, и в конце концов, приняли решение. Н'рулл взял уникальный металл, из которого изготовлена Внешняя Сфера мира, и выковал из него камеру. Металл этот — единственный во всех вселенных материал, способный удержать даже Хаос — только благодаря нему Внешняя Сфера до сих пор хранит наш хрупкий мир от полного уничтожения. В камеру Зар опустил обезумевшего Кайракса, а Серый Алвинд наложил на двери великое заклятье, заперев их собственной печатью. Камеру опустили в толщу земли, чтобы жертва вечно стерегла своего убийцу — а тайну точного места захоронения не знает никто из живущих, боги унесли ее с собой. Эльфы впоследствии неоднократно пытались найти гробницу Кайракса, но так ничего и не добились. Возможно, это всего лишь миф, красивая и печальная сказка, призванная объяснить наличие зла в нашем несовершенном мире.

Трагедия серьезно повлияла на демиургов, заставила их надолго отказаться от планов по созданию человечества. Только спустя три тысячи лет они оправились от своего горя настолько, чтобы попытаться счастья вновь. Из глины, песка, света звезд и воя ветра они выстроили существ, не виданных ранее. Внешне похожих на эльфов, но по сути отличающихся невероятно.

О взаимоотношениях людей с богами я уже рассказывал — нет смысла повторяться. Одарив мир молодой расой, демиурги исчезли. Ушли за пределы Внешней Сферы — по бесконечным тропам в глубины Бездны, творить новые миры и создавать новые народы, наполняя порядком бесконечный Хаос, уравнивая абсолютным творчеством абсолютное ничто. Таково их предназначение: посреди бескрайней смерти сеять жизнь.

ЧАСТЬ II

Любезный читатель, кто бы ты ни был, прошу простить меня, ибо сейчас я должен ненадолго отвлечься от основной темы. Первоначально собирался я, закончив изложение известных нам фактов об Эпохе Богов, сразу перейти к младшим демонам, так сильно влияющим на нынешнюю жизнь всего мира. Однако вскорости понял, что упускаю один наиважнейший аспект, без коего повествование о Богах никак нельзя считать законченным.

Храмы. Удивительные места, в которых четыре народа, так или иначе, поклоняются творцам вселенной.

Само по себе явление поклонения до Мора Безумия вызывало множество споров и диспутов в ученых кругах: немало моих братьев склонялось к мысли, что принесение жертв или произнесение молитв есть процессы бессмысленные и, более того, даже вредные, ибо они утверждают молящегося в мысли, что он имеет некую возможность напрямую общаться со сверхъестественным существом — а этому существу, если оно вообще присутствует внутри нашей Сферы, нет никакого дела до ничтожных созданий, копошащихся на шаре, слепленном из камня и воды, как взрослому обычно нет дела до муравейника, прилепившегося к забору во дворе.

Однако то, что произошло в недрах Глубинной Империи доказало ошибочность такого подхода: высшим существам есть до нас дело и есть на нас вполне конкретные планы, пусть нам и не дано постигнуть до конца их замыслы. Проклятье обрушилось на четыре народа, вытаптывая любую красоту, уродуя тела и души, наделяя их чудовищными звериными чертами. Поползли слухи о возвращении демонов — давно произнесенные, но только теперь прозвучавшие слова пробудили их от долгого сна. Повсюду поднимают голову жестокие верования Диких Веков: в орочьи племена вернулись темные культы кровожадных обезьяньих богов, а среди людей вновь появились странствующие палачи, прячущиеся в тених и приносящие им жертвы. На этих землях больше нет места искусству, больше никто не возделывает полей, не строит домов, не поет песен. Ветра несут только лязг мечей, крики раненых и дым пожарищ. Небо полно стервятников, а воды рек пахнут медью. Родство не имеет значения, вместо кровных уз теперь лишь боевое братство. Важно одно: насколько крепко ты держишь меч, боевой молот или посох, насколько твердо стоишь на ногах.

Сбиваясь в банды, в разношерстные отряды, орки, люди, гномы и эльфы живут от битвы до битвы, снова и снова сходясь в яростных схватках с бывшими сородичами, никого не щадя и не прося пощады. Кто знает, может, именно в храмах скрыты ключи к спасению жизни в нашем истерзанном бедствиями мире.

Начнем, пожалуй, с самых древних ритуальных строений. Эльфийских, разумеется. Как ты, читатель, должно быть, помнишь, в эпоху своего расцвета Старший Народ населял равнину Карраз-Гул и возвел в ней немало городов. По сей день, пустыня усеяна руинами, полустертыми песком и ветром, останками некогда прекрасных башен и стен. Само собой, среди них немало того, что было в древности культовыми сооружениями, но теперь, после многих столетий непрерывного разрушения, даже эльфийские знатоки не в состоянии отличить их от остальных развалин. Лучше всего сохранился храм Первых-Песен-Луны, находящийся в северо-восточной части Карраз-Гула, посреди места известного, как Долина Красных Камней. Этой постройкой была возведена в честь светлой создательницы Сай'Джари более полутора тысяч лет назад, и суровое время, полное катастроф, не пощадило ее: от огромного, поистине необъятного здания остался лишь главный колонный зал — впрочем, и

его вполне хватит, чтобы потрясти любое, даже самое мощное, воображение.

К сожалению, во времена Дерзаг Кага, великого кагана орков, рядом с этими руинами был сооружен форт зеленокожих. Очень уж удачная позиция с точки зрения фортификации: в узкой расселине меж двух скал, влезть на которые практически невозможно, а тылы надежно прикрывают циклопические развалины храма. Враг может наступать лишь с одной стороны, да и там вынужден подниматься по довольно крутому склону. Дерзаг Каг лично выбирал место и сам руководил постройкой. Время показало, что он не ошибся: с тех пор форт ни разу не взяли штурмом. Именно в нем пятьдесят лет назад и был подписан мирный договор между Орденом Паладинов и союзом орочьих племен. Лорда-архитектора Георга Архэма, представлявшего сторону людей, сопровождал оруженосец Бистол, по прозвищу Тишайший — именно из его дневников я взял следующий фрагмент:

«Развалины мы заметили издалека. Форт еще невозможно было различить, он терялся среди нагромождений красных скал, а колонны эльфийского храма уже возвышались на горизонте, и, чем ближе мы подъезжали, тем очевиднее становилось их величие. Даже сейчас, по прошествии стольких зим, они не утратили красоты, заложенной в них древними архитекторами. Крыша, которую они некогда поддерживали, давным-давно обвалилась, стены рухнули, но колонны выстояли, ибо таково и есть их истинное предназначение — возвышаться над окружающим миром.

<...> Устройство крепости по-орочьи банально, однако место подобрано просто идеально. Глубокий каньон, зажатый меж неприступных обрывистых гор, окружающих храм. Судя по всему, изначально этот каньон служил дорогой к воротам храма. Об этом свидетельствуют, например, гигантские барельефы на скалах с обеих сторон, изображающие неведомых мне существ — то ли львов, то ли быков с птичьими крыльями и человеческими головами. Уверен, в незапамятные времена эти изваяния служили своего рода стражами, встречающими паломников, напоминающими о всемогуществе богов. Теперь они смотрятся нелепо и глупо среди цветастых варварских тентов, облепивших отвесные стены глиняных хижин и бесчисленных кольев с насаженными на них черепами. На сам храм зеленокожие посягнуть не посмели: среди его колонн не видно никаких следов орочьего присутствия, хотя всего в нескольких шагах от обвалившейся арки входа уже начинается шумное и пестрое становище. Вряд ли это можно считать проявлением уважения к чуждому труду. Скорее всего, варвары просто побаиваются заходить под сень колонн — первобытные инстинкты отпугивают их от строений чуждой расы.

<...> Договор подписывали на досчатой площадке в сердце орочьего лагеря. Площадка эта украшена целыми связками черепов, которые свисают со всех сторон подобно тому, как в наших деревнях на заборах сушатся гроздья чеснока или репы. С каждого столба, с каждой перекладины за нами следили пустые глазницы. Для варваров такое убранство более чем привычно, они изрядно потешались над нашим недовольством и пренебрежением. Под площадкой находился источник того, что сами орки называли «мертвой водой». По виду это грязная, заросшая тиной лужа, на поверхность которой время от времени поднимаются отвратительного вида пузыри. Из лужи торчат сухие ветви кустов и белые фрагменты костей, а в паре мест виднеются даже целые скелеты. По словам нашего сопровождающего, каждый, кто прикоснется к «мертвой воде», умирает быстро и мучительно. Если такое утверждение соответствует истине, то можно предположить, что источник — остаток некой эльфийской ловушки, предназначенной для уничтожения посягнувших на храм. Возможно, это просто природная аномалия, в Карраз-Гуле немало странного, а нынешние хозяева ничуть не задумываются о происхождении «мертвой воды»,

для них это просто еще одно средство для проведения увлекательных казней.

<...>Лорд Архэм ставил свою подпись под договором, вокруг оглушительно гремели бесчисленные барабаны, а я не мог отвести взгляда от величественных колонн, равнодушно поднимающихся над дикарским празднеством. Ветер пустыни стер с них резьбу и письма, обнажил каменную кладку, но не смог забрать с собой их достоинство. Подобно истинным рыцарям, несут они свою службу здесь, до конца верные долгу, не задумываясь над тем, что те, кто поставил их, уже много веков мертвы. Какой масштаб! Какая сила духа! Сколько труда вложено в эти удивительные строения! Пожалуй, недаром эльфы столь надменны: имея таких предков, они имеют полное право на высокомерие. Народ, возводивший столь грандиозные храмы, должен и в самом деле быть равней богам!»

Сэр Бистол Тишайший

«Воспоминания о Странствиях»,

год издания — 32 до Последнего Мора

О современных эльфийских культовых сооружениях нам известно немного. Вернее, почти ничего. Горные монастыри Арганайского Хребта недоступны для смертных, а в долинах, где среди замшелых башен перворожденные выращивали свои города-деревья, не находилось места для почитания богов. Возможно, теперь, когда прежние законы и правила перестали действовать, кто-нибудь все-таки доберется до монастырей и составит их подробное описание. Мне же, старому, немощному алхимику, остается только надеяться и ждать. Ну, и, не теряя времени, переходить к гномам. Как уже говорилось, Подгорный Народ поклоняется Гранитным Предкам, каменным статуям великих героев прошлого. В каждом поколении находится пара-тройка выдающихся личностей, достойных быть увековеченными в камне — а потому на протяжении полутора тысяч лет количество гранитных статуй, которым остальные гномы возносили свои молитвы, постоянно росло. Изваяния эти ставились повсюду: на площадях, крепостных стенах, в коридорах и жилых покоях. Любой мог подойти и поговорить с Предком, изложить ему свои чаянья и беды. Как таковых храмов гномы не возводили, с обезоруживающей практичностью полагая их пустой тратой сил строителей и подземного пространства. Однако сравнительно недавно, около сотни лет назад, в руках Братства оказался экземпляр книги «Наставления В Проложении Да Строительстве Дабы Лепо Выходило» - гномий учебник по подземной инженерии и архитектуре. Предназначен сей труд был исключительно для обучения кадетов в Гильдиях Мастеровых и Рудокопов, и ни под каким видом не должен был попасть к людям, а потому авторы не стеснялись, раскрывая некоторые секреты. В частности, в разделе «Примеры Построений» упоминается подземная структура под названием «Святылище Механизмов». Это запутанная система залов, коридоров и мостов, выстроенная над бездонной пропастью где-то в глубине Торгорского Кряжа. Здесь старейшины Гильдий просили у Гранитных Предков совета в создании и тестировании новых механизмов. Каменные боги гномов являли им и свою силу и свою волю — по крайней мере, это следует из нижеприведенного отрывка:

«Верхний центральный зал предназначен для разборки и упаковки устройств. Нижний центральный зал — основное тестовое помещение. Здесь устройства следует собирать и устанавливать на особо подготовленных для сей цели платформах, расположенных на боковых лоджиях. Дабы ускорить процесс перехода к новым устройствам, нижний зал соединен с верхним с помощью воздухоподъемника. По обе стороны от срединной оси находятся балконы Созерцания, к каждому из коих ведет по три каменных моста. На балконах воздвигнуты скульптуры — Хальдр Мудрый Молот хранит на постаментах

вечную стражу. К нему нести устройство рекомендуется по центральному мосту, отмеченному чашами с огнем. Пред всегда открытыми глазами Предка следует размещать готовые механизмы для окончательной проверки и благословения. Установив и запустив машину, нужно, опустившись на колени, смиренно ждать приговора Хальдра. Коли одобрит Предок изготовленное устройство, трижды ударит он молотом о постамент. Ежели надобно доработки внести, али пересмотреть чертежи, останется он недвижим — нет нужды граниту говорить впустую. Ну а если механизм порочен по сути своей, если не повлечет он пользы, а послужит лишь для убажания али праздности ради, взметнет свой молот могучий Хальдр, да раздробит его одним ударом. Обломки механизма надлежит тут же сбросить в пропасть, а вслед за ними и чертежи, дабы не попали они в дурные руки. В ранние времена вместе с чертежами бросали и тех, кто начертал их, но «Указ Номер 219: Об Экономии Населения» прекратил сию дурную традицию, положив отправлять негодных Мастеровых в нижние уровни на саперные работы».

Далее в книге подробнейшим образом описываются ловушки, которыми оборудованы тоннели Святилища, и способы избежать встречи с ними. Однако я уверен, что среди читателей этого труда вряд ли найдутся кладоискатели и исследователи (или, говоря прямо, грабители и мародеры), стремящиеся завладеть, безусловно, ценными механизмами гномов, а потому не буду тратить свое и ваше время на переписывание малоинтересных фрагментов. Главное уже передано: гранитные статуи Хальдра в определенном смысле руководили процессом разработки новых машин. Если это не доказательство влияния сверхъестественных сил на мир живых, то я не имею понятия, что же считать таковым. Говоря откровенно, трактовок было множество. Некоторые братья даже предполагали следующую версию: раз Святилище, по сути, висит над пропастью, оно может подвергаться воздействию неких паров, поднимающихся из глубин земли, вызывающих массовые галлюцинации среди гномов. За разъяснениями пробовали обращаться непосредственно к Подгорному Народу, но никакого ответа так и не получили — однако вскоре после запроса на стенах крепости, в которой хранилась книга, были пойманы двое гномов-лазутчиков, так и не рассказавших о цели своих действий.

Орки похожи на своих горных соседей в том, что касается религии: они не строят храмов. Для зеленокожих капищем служит поле битвы, а службой — сам бой. Шаманы, неизменно присутствовавшие в каждом племени, нужны были для того, чтобы призывать Зара взглянуть, как храбро и самоотверженно сражаются его дети. Естественно, они отвергали общепринятое мнение о том, что Зар покинул наш мир много веков назад вместе с остальными Ушедшими Богами. По идее, их верования представляли собой просто обожествление войны, возведение в ранг святого самого процесса убийства врагов и порабощения слабых. В этом смысле орочий культ Зара остается тем же язычеством, что и поклонение болотным обезьянам в джунглях Ру-Аркха. Косвенно в пользу такого тезиса свидетельствует следующий факт: священная гора орков, так называемые Врата Зара, располагающаяся на южной оконечности плоскогорья Ру-Аркх, на берегу Голодного моря, первоначально являлась центром жертвоприношений болотным обезьянам. Теперь у нее совсем другая функция, хотя даже форма скалы (удивительно напоминающая морду взбешенного бабуина) ничуть не поменялась. Вот небольшой фрагмент протокола допроса орочьего вождя Могр-Хаша, попавшего в плен во время штурма ордой одной из рыцарских застав. Протокол весьма объемный и в основном касается вооружения и численности зеленокожих войск, но кое-что имеет смысл и для нашей темы:

«ОТВЕТ: Вам никогда не одолеть нас, белорожие!»

ВОПРОС: Почему?

О: Потому что сердце Орды бьется далеко на юге.

В: Что это значит?

О: Там стоят Врата Зара. Там наша мощь! Там ваша смерть!

В: Что такое Врата Зара?

О: Через них мы после смерти попадаем в его шатер. А вы — в выгребные ямы вокруг!

В: Это и в самом деле ворота?

О: От этих ворот ты сразу обделаешься, ушлепок! Это огромная пасть, которая разжует тебя, как ягоду! Каждый зуб там с твой дом!

В: И за этой пастью — Зар?

О: Да! Зар Гха Йах! Жри живых!

В: Но ведь Зара больше нет с нами. Боги ушли отсюда.

О: Ваши боги ушли! Они такие же трусы, как и вы сами. Жалкие белые ублюдки! Зар остался, он собирает армию! От его шагов трясется земля!

В: А если мы захватим Врата?

О: Слабаки! Вам не добраться до них, даже если последний орк падет, сраженный вашими подлыми стрелами. Мост разрушен.

В: Какой мост?

О: От форта, что стоит на утесе, до Врат Зара! Где твои мозги, белокожий? Чем ты думаешь? Задницей?

В: А почему мост разрушен?

О: А живым незачем ходить к Вратам! Только тот, кто пал в бою, достоин войти в шатер бога войны! Зар Гха Йах!

В: Это вы построили врата?

О: Не мы. Наши прадеды. Или их прадеды. Это было давно, червяк!

В: А...

О: Я устал, пошел вон!

В: А если человек погибнет в честном бою, пройдет ли он через врата?

О: Давай проверим, червяк! Прямо сейчас! Ну-ка...

ВОПР...»

Сборник военных документов

Ордена Паладинов.

Летопись №7, стр. 109

Далее чернила размазаны по всей странице, а ее уголок запачкан бурыми пятнами, подозрительно похожими на кровь. Допрос возобновляется на следующем листе, записывается уже другим почерком и вновь крутится вокруг вооружений, дислокаций и имен вождей.

Что касается храмов человеческой расы, то здесь я не вижу смысла тратить наше время на краткое переложение общеизвестных фактов. Если тебе, дорогой читатель, попала в руки эта книга, то, скорее всего, ты находишься в библиотеке Первой Цитадели. Для интересующихся культовыми сооружениями Трех Королевств и Ордена Паладинов, могу посоветовать следующие труды: «Введение в архитектуру Нидгарда», «Эльфийское влияние и новые веяния в строительстве», «Древнее зодчество северных городов», «Соборы Иснара», «Колокола и витражи Стогворда». Все их вы можете отыскать на третьей полке восьмого шкафа слева от двери. Удачных изысканий.

А я, пожалуй, закончу говорить о храмах. В них некому жить. Молитвы уходят в пустоту, разбиваются о каменные стены. Вечер за вечером кладу я поклоны в нашей крепостной часовне, прошу Ушедших вернуться, но знаю, что они не слышат меня.

Темные слова отзвучали и схлынули, оставив изломанный, изувеченный мир, которому никогда уже не стать прежним. Еще работают некоторые механизмы гномов, еще стоят крепости алхимиков, еще возвышаются над руинами статуи древних мудрецов — но это осколки, жалкие остатки былого великолепия. Из осколков нельзя собрать вазу, из обломков прошлого - не сложить будущее.

Никто не знает точно, что нас ждет. Некоторые пророчествуют, будто наступает конец света, приближаются последние времена, будто смертельно раненая вселенная умирает в страшной агонии. Другие надеются на лучшее, на некий просвет среди туч, отчаянно цепляясь за эту надежду, как тонущий цепляется за брошенную ему веревку. Но есть и такие, кто утверждает, что прямо сейчас, вокруг нас и в нас самих, на наковальне сражений, под молотом боевых кличей, в пламени бесконечной войны рождается новый мир. Мир великих героев и великих побед. «Выкованный хаосом» - так говорят они.

И ощеривают клыкастые пасти в зловещих ухмылках.

ЧАСТЬ III. АРГУС

Сколь ни откладывал я эту тему, сколь ни пытался отсрочить начало работы над ней, а никуда не деться – смотрит на меня с укоризной лист пергамента, обвиняет в малодушии. Что ж, придется сесть и приняться за дело. Причина моей нерешительности кроется даже не в трусости, нынешние ужасные времена кого угодно отучат бояться. Просто слишком уж легко свернуть на гибельную тропу, слишком легко увлечься древними, как мир, фантазиями, незаметно для себя с головой погрузиться в чужую ложь. Ибо неясен, расплывчат и размыт предмет нашего разговора – в нем нет окончательной истины, он соткан из иллюзий и обмана, из масок и магии.

Аргус, двуглавый лорд ночных кошмаров, темных троп, видений и колдовства. Старший из полубогов и, возможно, самый могущественный из них. Слово «возможно» - ключевое в сегодняшней теме, оно определяет ее смысл. Здесь ни в чем нельзя быть уверенным до конца, любое утверждение вполне может на деле обернуться своей противоположностью. А потому говорить и, тем более, писать о нем следует с крайней осторожностью.

О происхождении Аргуса ходит огромное количество самых разных, противоречивых легенд. В эльфийских летописях он описывается в качестве великого пророка, мессии, нового воплощения Серого Алвинда. Если верить первому тому «Хронологий и Родословных», эльф по имени Аргус-Лунный-Шторм родился на исходе осени в 1457 году до Последнего Мора. С раннего детства мальчик проявлял поразительные магические способности, что было крайне необычно, поскольку с начала времен колдовство считалось у Старшего Народа уделом исключительно женщин. Неудивительно, что на чудесного ребенка сразу обратили внимание Матери-настоятельницы горных монастырей, институт которых в те далекие времена только формировался.

В течение последующих полутора сотен лет Аргус-Лунный-Шторм обучался в разных обителях, постигая законы управления стихиями. Он прошел сперва Дорогой Огня, затем Дорогой Мороза, что ни прежде, ни впоследствии не удавалось никому другому. В «Хронологиях» говорится, что он прочел полностью библиотеки нескольких монастырей. Я не могу сказать, много это или мало, ибо никогда не видел тех библиотек и не представляю их объема – но если они были хотя бы равны книгохранилищам нашего Братства (а скорее всего, значительно превосходили их), то получается, что за тот период Аргус одолел не менее тридцати тысяч томов. Грандиозное количество, которое человеку сложно представить – никому из нас не хватит наших коротких жизней, чтобы попросту просмотреть такие горы литературы. Это, пожалуй, единственное преимущество бессмертия, которому способны позавидовать мы, алхимики – возможность непрерывного, нескончаемого познания. Я боюсь даже предположить, каких высот смогли бы достигнуть мы, будь в нашем распоряжении вечность. Впрочем, вполне возможно, что в этом случае речь шла бы не о высотах, а о глубинах: абсолютное познание представляет собой прямой путь в Бездну.

Но не стоит отвлекаться от темы. Аргус превратился из ученика в мастера, приобрел немалую известность среди Старшего Народа. Молва о его мудрости разнеслась по всем эльфийским владениям, от южных отрогов Арганайского Хребта до подножия Торгорского Кряжа. Многие являлись к нему, и он помогал им советом или делом, находил причины трудностей, изыскивал способы их преодоления. Из его изречений и проповедей был составлен обширный трактат, известный как «Книга Аргуса». Впоследствии почти все экземпляры сего труда были уничтожены, и мне не известно ни об одном, попавшем в руки

людей. А посему в качестве примера мудрости Лунного-Шторма приведу здесь высказывание, которое приписывают ему все те же пресловутые «Хронологии и Родословные»:

Верить в Богов только потому, что ты привык в них верить, только потому, что сказали тебе, что верить надобно – чистой воды мракобесие. Прощать того, кто причиняет тебе вред, только лишь потому, что прощать принято среди нашего народа – безумие. Помогать страждущим по причине того, что повсюду помощь считается благим делом – абсолютное лицемерие. Добро, творимое вами, должно идти изнутри, рождаться из пламени и льда сердец, быть истинной, непреодолимой потребностью. Так – и никак иначе – раскрывается его истинная суть, его настоящая ценность. Общество, построенное на притворстве, обречено. Цивилизация, воздвигнутая на фундаменте из лжи и самообмана, погубит сама себя, ибо не в состоянии она различить надвигающейся угрозы.

здесь и далее - перевод с эльфийского
выполнен братом Зерисом в 348 году до
Последнего Мора

Что ж, утверждение спорно, но в нем есть все, необходимое для того, чтобы прославить автора: ниспровержение общественных устоев, новая мораль, предсказание грядущих катастроф. Лично я не вижу ничего странного в огромной популярности Аргуса и его учения. Матери-настоятельница горных монастырей рассчитывали получить в свои руки небывало мощное оружие, но вместо этого обзавелись пророком, способным подорвать самые основы их могущества.

Вскоре необычный колдун был объявлен воплощением Серого Алвинда, бога ветров, весны и свободы. Как знать, вполне возможно, он действительно являлся посланником Ушедших Богов. По крайней мере, это легко объясняет все последующие события.

Неизвестно, как именно складывались бы взаимоотношения новой секты и эльфийских властительниц, но наступил 1000 год до Последнего Мора, и тварь из Бездны положила конец величию Старшего Народа. Приведенные выше слова Аргуса оказались правдой.

Возможно, именно поэтому вскоре после опустошения Карраз-Гула Настоятельница монастырей Огня, как победившая фракция, объявили вне закона не только Дорогу Мороза, но и учение Лунного-Шторма. Экземпляры «Книги Аргуса» безжалостно сжигали, уцелевших в катаклизме последователей вынуждали отречься от пророка, а его самого безуспешно разыскивали как государственного преступника. В течение нескольких лет о нем не было ни слуху, ни духу, однако в 986 году до Последнего Мора он появился у ворот одной из цитаделей Братства Алхимиков.

Вот как сказано об этом в тексте «Хронологий»:

Ужасная трагедия, постигшая наш народ, заставила Аргуса разувериться в его будущем. Он более не считал эльфов способными вернуть прежнюю значимость и могущество. Решив, что Перворожденные обречены, лишившись почти всех последователей, Аргус обратил свой взгляд на восток, на новую расу, уже успешную продемонстрировать немалый потенциал.

Перед Катастрофой волибницы горных монастырей отогнали племена людей назад в Фархейм, однако несколько хорошо укрепленных крепостей им взять не удалось. Эти замки, принадлежащие касте ученых и магов, известных как «алхимики», и по сей день стоят среди пустошей Карраз-Гула, прекрасно защищенные магией и наукой, усиленные с помощью

неизвестных и неподвластных нам технологий. Даже Обитатель Бездны, уничтоживший все живое на многие мили вокруг, не смог ничего с ними сделать.

Наверняка поэтому Аргус и пришел к алхимикам.

Спорить с такими выводами невозможно. Они вполне логичны и полностью укладываются в данную версию тех событий. Однако есть и иная версия, в соответствии с которой Аргусу пришлось скрываться от Сестер Огня, пытавшихся найти и уничтожить его. Как изложено в тайных свитках Ледяных Монастырей, в течение трех десятков дней и ночей колдуньи преследовали беглого пророка, не прекращая погони ни на секунду. Изможденный, одинокий, отчаявшийся Аргус вынужден был искать прибежища в попавшейся на пути Цитадели – только ее стены могли защитить его от пламенной ярости эльфийских воительниц. Те взяли Цитадель в осаду, но, как и прежде, подобная тактика ни к чему не привела – через неделю волшебницы ушли ни с чем.

Очевидно, что Ледяные Ведьмы, ставшие в те времена изгоями, подняли Аргуса на свое знамя, полностью завершив его обожествление. До сих пор эльфийки, прошедшие Дорогой Мороза, поклоняются Лунному-Шторму, именуя его Двуликим Хранителем Душ. Говорят, что в укромных равнинах среди южных гор даже построены храмы в его честь.

Как бы то ни было, в дальнейшем и летописи Сестер Огня, и проповеди Ледяных Ведьм не противоречат друг другу – в том, что произошло с Аргусом, они обвиняют людей.

Перед вами прямая цитата из «Хронологий и Родословных»:

Злобные и коварные алхимики, притворившись друзьями Лунного-Шторма, приняли его с радостью. Они обещали ему убежище и свободу исследований, но их извращенные умы уже разрабатывали темные, подлые планы. Очевидно, что ни о какой доброте или сострадании речи не шло – алхимики с самого начала собирались использовать величайшего волшебника Старшего Народа в своих целях.

Естественно, никакими точными сведениями о том, что случилось с Аргусом, эльфы не располагают. Происходящее в Цитаделях всегда скрыто от остального мира. Поэтому ни в одном из известных мне трактатов на эту тему не приводится прямых доказательств вероломства Братства. Огромное количество абстрактных рассуждений, голословных обвинений, предположений, но ни единого достоверного факта.

Например, уже набившие оскомину «Хронологии» утверждают, будто Аргус был принесен в жертву Внешнему Хаосу. Две страницы потрачены на противоречивое описание странного ритуала, призванное, судя по всему, в первую очередь произвести впечатление на молодых эльфиек, подкрепить их ненависть и презрение к человечеству. Якобы, несчастный Лунный-Шторм был подло усыплен, распят на особом движущемся металлическом диске и со вскрытыми запястьями помещен на крышу самой высокой башни Цитадели, точно напротив (!) отверстия во Внешней Сфере (!!), сквозь которое в наш мир заглядывает Хаос (!!!). Более дикого бреда мне не доводилось читать за всю свою долгую жизнь, а я прочел немало странного, поверьте. Жаль даже тратить чернила и время на опровержение подобных идиотских измышлений. Скажу лишь, что, будь во Внешней Сфере хоть одна крохотная дырочка, ее бы хватило, чтобы Хаос полностью уничтожил наш мир вместе со всеми его обитателями, включая бесстыжих эльфийских лгунов. Такого рода пассажи ставят под сомнение достоверность остальной информации, изложенной в тексте «Хронологий», но, к сожалению, это основной источник записанных сведений об Аргусе – вернее, о его земной ипостаси.

С точки зрения расы людей, путь этого существа был иным. У нас практически нет письменных свидетельств или исследований на эту тему, но, судя по легендам, передающимся из поколения в поколение, эльфа по имени Лунный-Шторм изгнали из родного города еще в ранней молодости. Причиной тому послужили его магические способности: мужчина-колдун настолько не вписывался в стройную картину мироздания, что был вынужден покинуть собственный народ и искать прибежища в цитаделях алхимиков. Те приютили его, ведомые состраданием и любопытством, включили в ряды неофитов, позволили изучать науки наравне с остальными новичками. Однако вместо благодарности они получили в итоге лишь ненависть и злобу.

Аргус убил своего наставника – то ли просто в приступе бешенства, то ли для того, чтобы получить доступ к некоей особо важной книге – а потом, воспользовавшись его кровью, открыл врата, ведущие на другую сторону Внешней Сферы, в Хаос. И шагнул в них. Таким способом он надеялся познать сущность Бездны, обрести власть над живущими в ней созданиями. Но вместо этого сам стал ее очередным творением. Хаос изуродовал Аргуса, разорвал надвое его личность, изменил до неузнаваемости тело, превратив некогда красивого, статного эльфа в отвратительное чудовище. Вечная тьма абсолютной пустоты пропитала его плоть, и отныне любое, даже самое незначительное, прикосновение света причиняло ему страшную боль.

Но взамен Аргус обрел то, к чему так стремился. Силу. Могущество. Власть. Теперь он мог повелевать сознаниями и стихиями, мог созидать миры и творить из небытия жизнь. Что он видел там, за пределами Внешней Сферы, что он познал в бесконечном забвении? Нам никогда не выведать. Нам никогда не понять. И возблагодарим же за это Ушедших Богов, скажу я вам – незачем человеку заглядывать в лицо Хаоса.

Как бы то ни было, вскоре Аргус начал являться во снах тем, через кого хотел сообщить о своем возрождении в новом качестве. Сумасшедшие принялись бормотать о хранителе ночных кошмаров, прячущем ужасно изуродованные лица под масками. Люди, чудом оправившиеся после тяжелых ран, рассказывали о двухголовом хромом чудовище, что сторожит темные тропы и ведет по ним умерших. Ясновидящие и прорицатели всех рас возвестили о приходе нового божества – покровителя темных искусств, загробных тайн и колдовства. Так началось шествие Аргуса по миру. Отныне он не принадлежал ни к одному из четырех народов, поднялся над ними, обрел силу и власть над временем и пространством.

У младших рас тоже присутствует почитание Аргуса в качестве некоего сакрального существа. У гномов он известен под именем Бледного Мастера, и подгорные былины гласят, что двухголовый хозяин кошмаров владеет огромным дворцом в холодных глубинах Луны. Есть немало историй о том, как пьяный рудокоп или оглушенный взрывом сапер попал в чертоги Аргуса и возвращался оттуда живым. Вот небольшой пример:

...Отбросило меня взрывной волной, да прямо в расщелину и швырнуло. Я было зацепился пальцами за выступ, но рукавица порвалась, и удержаться не удалось – полетел вниз. Падаю в темноту, сердце в пятках от ужаса, уж мысленно попрощался со всеми, молю Гранитных Предков, чтобы сразу прекратили мучения. А то ты ж знаешь, как бывает: свалится шахтер какой-нибудь в трещину, изувечится весь и лежит несколько дней, мучается, пока от голода или потери крови не помрет. Ну, вот я так не хочу: лучше сразу, хлоп – и все, тишина. Ага, падаю я, вишь, падаю, а никак не упаду. Вокруг темнотища – хоть глаз коли. Ни зги не видать. Приободрился немножко: думаю, уж дробанусь так дробанусь, сразу откинусь, страдать точно не получится.

Ага. Только через какое-то время стало мне казаться, будто падаю я вовсе не вниз, а

вверх. Смотрю – точно. Лечу, вишь ли. Аккурат туды, в небо, мать его.

Перевернулся я, и тут увидел перед собой луну. Первую, ту, которая пониже висит. Здоровенная она вблизи-та, белая, вся в каких-то ямах да трещинах. Ну, прямо как лысина Сизого Хью, вон, глянь, на лавке дрыхнет, старый <...>!

Луна приближается, огромная стала, конца-краю не углядеть. И получается, что вроде как не поднимаюсь к ней, а опускаюсь, падаю то бишь. Короче говоря, обратно все поменялось. Все, думаю, настал мне карачун: гвазднусь об Луну, костей не соберешь. Но вместо этого засосало меня в какую-то дыру на поверхности, протащило по узкому коридору и выкинуло в большой, просто <...> большой зал. Колонны – что твои... ну... короче, очень толстые колонны, <...>, а не колонны! Высотищи неимоверной. Сколько ни задираю башку, так потолка и не углядел. Потом смотрю: между колоннами в темноте что-то копошится. Твари. Самые разные: высокие тощие люди с собачьими головами, какие-то полукрабы-полузмеи, толстенные бритоголовые уроды с улыбками, растянутыми стальными скобами, гномы с пучками пальцев вместо глаз, да прочая мерзота. Меня чуть наизнанку не вывернуло. Они там шипят, возятся, но не выходят ко мне – испужались, значит, гномьей доблести.

Тут из дальнего конца зала меня позвали. Прямо по имени. Я повернулся, гля – а там трон стоит. Тоже высокий, в семь-восемь моих ростов, а то и выше. На троне сидит сам Бледный Мастер. Кожа белая-белая, аж светится в темноте, головы накидкой укрыты, рожки под масками спрятаны. В одной руке сжимает костыль, в другой – книжищу. Я таких отродясь не видывал. Толице меня книжка. Там вообще все, наверно, записано.

- Ты тут почто? – спрашивает меня Бледный Мастер. Ну, он, само собой, не так спросил, по-умному, знаешь, по-образованному. Бог все-таки, не <...> гоблинский!

Ага. А я, не будь дурак, отвечаю по-честному:

- В яму дробанулся, ваше благородие. Так, мол, и так.

Он мне:

- Нет тебе тут места! Твое время еще не настало. Валяй обратно!

И снова подхватила меня неведомая сила, протащила по залу, в трубу выкинула и с луны прямиком на землю швырнула. Очухался в госпитале. Говорят, нашли на второй день поисков, почти на самом дне той расщелины. Кому рассказывал про Бледного Мастера, никто не верит. Смеются, ага. Будто бы я пьян был тогда или башкой ударился. Да может и так! Выпил в тот день с утра кружечку «Торгорского темного»... ну, две. Не помню, сколько. Да и башкой тпнулся как следует. Ну и что? Разве можно такие выводы делать, а? Можно, я тебя спрашиваю, <...> твою <...> справа налево!

подробнейшим образом скопировано
из книги «Трактирные Беседы» братом
Кагрусом, за вычетом непотребных
слов и устойчивых выражений,
могущих оказать вред психике и аппетиту,
в 112 году до Последнего Мора

У орков Аргус был известен под именем Двуглавой Погибели. Зеленокожие варвары воспринимали и до сих пор воспринимают его как правую руку их главного бога Зара. По орочьим поверьям, Аргус собирает с поля битвы души павших воинов и ведет их за собой на другую сторону бытия, по веревочному мосту над пропастью, сквозь ворота Зара к его великому костяному шатру, где бог войны принимает доблестных героев в свою небесную

армию. Дикари, что с них еще взять.

Долгие века оставался Аргус в стороне от происходящего на земле. Не вмешивался в войны, не обращал внимания на эпидемии и стихийные бедствия. Безлунными ночами спускался он в наш мир и бродил дорогами смертных, принося страшное горе или великое счастье встречным. Говорили, если столкнуться с Двудиким, он задаст тебе единственный вопрос о твоей жизни. Если ответишь неверно, обречешь и себя, и близких своих на страшные муки. Если же ответ твой понравится Аргусу, дарует он тебе счастья столько, сколько сможешь вынести.

Но настали ужасные времена, и луна, небесная обитель Аргуса, раскололась. Теперь некому задавать вопросы, некого карать или вознаграждать. Самые страшные кошмары теперь легче и спокойнее реальной жизни, а по темным тропам за последние месяцы прошло больше умерших, чем за минувшие сто лет. Ходят слухи, будто Аргус принял иное обличие и вступил в борьбу с Мраком, вырвавшимся из подземного плена. Возможно, только благодаря ему те немногие, кому удалось уцелеть, живы до сих пор.

Возможно. Здесь это ключевое слово.

Возможно.

ЧАСТЬ IV. ЗАР

*Треснуло солнце точно посередине,
Истекает прохладным соком,
Оно перезрело, оно загнивает,
Свисает с ветки кривобоко.
Сорви его, выбрось
В бессовестно-помойную яму,
Или отдай собаке,
Или прохожему даром.
Не будет тебе удачи,
Не будет тебе молитвы,
Пока солнце гниет на ветке,
Пока в воздухе пахнет битвой...*

отрывок древней эльфийской песни
«Восхваление-Зара-перед-боем»
(автор перевода неизвестен)

Ниже речь пойдет о Повелителе Войны и Хозяине Костяного Шатра, покровителе всех тружеников огня и меча, об одном из пяти демиургов, сотворивших наш мир. Откуда пришел Зар и когда родился – не дано познать ничтожным умам слабых существ, вроде нас. В крошечном отрезке времени и пространства, что мы зовем вечностью, он присутствовал всегда. Собственно говоря, о том, как Зар принимал участие в создании вселенной, о битве с Кайраксом я уже рассказывал выше, и, пожалуй, вряд ли стоит повторяться. Арганайские источники дают четкое, подробное описание бога: во всех них он предстает как уродливый великан, мускулистый и массивный. Сгорбленная спина его покрыта многочисленными костяными наростами и рогами, между которыми вбиты толстые железные гвозди. Они постоянно причиняют Зару страшную боль, не позволяют утихнуть ярости, подпитывают пламя гнева, бушующее в его груди. А больше достоверных сведений о предвечном воителе у нас нет. Эльфийские летописи рассказывают об уходе богов и в дальнейшем не касаются их ни словом. Впрочем, эльфы еще на протяжении долгих веков упоминали Зара в своих молитвах и ритуалах: в их космологии культ Бога Войны был неразрывно связан с циклом времен года, сменой дня и ночи. Однако, как это часто случается, постепенно кумир потерял свое влияние и превратился из реального существа, способного помочь и покарать даже сквозь невообразимые расстояния, в простой символ, барельеф на стене храма, который, несмотря на весь свой устрашающий облик, не оказывает никакого влияния на повседневную жизнь. Как и остальные Ушедшие Боги, Зар стал абстрактным понятием, персонажем легенд и сказаний, пугалом для маленьких эльфиек. А после крушения Эльфийской Империи и возвышения культа Серого Алвинда-Аргуса, перворожденные о нем и вовсе позабыли.

Однако вскоре Зар обрел новых поклонников – наиболее подходящих ему по внешнему виду и духу. Орков.

Корни поклонения Богу Войны, видимо, следует искать в тяжелых, суровых условиях пустошей Карраз-Гула. Выжить там могли лишь сильные, жестокие, несгибаемые воины, не страшющиеся никаких трудностей, плюющие в глаза любой опасности и самой смерти. Вероятно, в результате короткого, но кровавого общения с эльфами на западных

оконечностях Арганайского хребта орки позаимствовали у них божество, столь четко вписывающееся в систему мировоззрения безжалостных кочевников. С течением времени культ Зара распространился на все племена степей, а в эпоху правления Дерзаг Кага охватил и первобытные поселения зеленокожих в джунглях Ру-Аркха. Кстати говоря, считается, что первый каган Дерзаг Каг получил в молодости благословение от самого Зара. Вот, к примеру, фрагмент одной из легенд, описывающих это событие. Разумеется, перед вами не оригинал, а художественное переложение, выполненное братом Сарвусом в 96 году до Последнего Мора:

«Давно это случилось. Уж и правнуки тех, кто помнил, остались белыми костями под пылью. Сам великий каган Дерзаг Каг был в ту пору простым молодым разведчиком, не сточившим еще и пары клыков. О нем и поведу рассказ.

Разъезд, в котором состоял Дерзаг с братьями своими, Сар-Гахом и Гор-Хашем, отправился на восток, к заставам белокожих, чтобы разузнать о передвижениях основных сил паладинов и определить основное направление набега. Но удача отвернулась от храбрых орков, и духи бесконечной пустыни обратились против них – попали разведчики в суровую песчаную бурю. Три дня и три ночи бушевала стихия, небо и земля слились в один сплошной водоворот пыли, в котором нельзя было различить пути и на шаг вперед. В первую же ночь отбился от братьев Сар-Гах, пропал бесследно в бесконечном урагане. Гор-Хаш и Дерзаг обвязались веревкой, чтобы не потерять друг друга и продолжили путь. На третью ночь, вконец обессилев, они опустились на землю, укрылись шкурами и уснули.

Пробудившись утром, увидел Дерзаг, что буря утихла. Брат его исчез. Веревка оказалась оборвана, а пыль вокруг пропиталась кровью. Двинулся молодой орк по багровым следам и вскоре вышел к логову степных волков. Стая уже заканчивала свою ужасную трапезу, и, если бы он не был уверен, то никогда бы не смог узнать в изуродованном трупе останки Гор-Хаша. Дерзаг, рассвирепев от гнева и отчаяния, кинулся на волков, принялся рубить их своим ятаганом. Звери сперва обратились было в бегство, но, сообразив, что враг только один, вернулись и бросились на него. Битва длилась несколько часов: Дерзаг, ничего не евший уже три дня, быстро терял силы. Ятаган стал непомерно тяжелым, и он бросил его, хватал волков руками, выдавливал им глаза, разрывал ладонями пасти, впивался клыками в глотки.

Наконец, уцелевшие звери разбежались. Дерзаг остался один среди мертвых тел, весь покрытый ранами, изможденный, истекающий кровью. Он подобрал оружие и побрел прочь, не разбирая дороги.

Солнце палило нещадно, измученное тело все сильнее требовало отдыха, но будущий великий каган и не думал сдаваться, хотя понимал уже, что сбился с пути. Вскоре стало ясно: оставшиеся в живых волки следуют за ним, ведомые запахом крови и жаждой убийства. Они держались на почтительном расстоянии, явно выжидая, когда их враг лишится последних сил и упадет в пыль. Дерзаг несколько раз пытался напасть на них, но звери не вступали в схватку, только злое ще скалились и разбежались. Им было прекрасно известно, что далеко жертва не уйдет, что рано или поздно раны и жара лишат ее сознания, нужно лишь запастись терпением.

Дерзаг продолжал идти целый день. К тому моменту, когда солнце опустилось за горизонт, он уже еле переставлял ноги. Преследователи не отставали, приблизились почти вплотную, отставая теперь всего на несколько шагов. Оборачиваясь, орк видел их горящие глаза и ощеренные пасти – смерть шла за ним по пятам, след в след.

Но вот, когда последние отсветы на закатном краю небосвода погасли, и степь вокруг погрузилась во тьму, впереди забрезжил вдруг огонек. Дерзаг понял, что это его единственный шанс на спасение и прибавил ходу, собрав в кулак все оставшиеся силы. Вскоре

он увидел костер, разведенный посреди пустоши – и того, кто у костра сидел.

Это был великан, сгорбленный и могучий, с длинными загнутыми вперед клыками и каменными гирями, прикованными к голням мускулистых ног. Широкою спину его украшал гребень из острых костяных выростов, между которыми торчали толстые гвозди из черного металла. К этим гвоздям ржавыми цепями крепились выбеленные временем человеческие и орочьи черепа. Рядом лежала огромная секира с базальтовыми лезвиями, тоже украшенная черепами и челюстями.

Дерзаг сразу понял, кто перед ним. Но разум и тело его были вымотаны настолько, что он не смог даже достойно поприветствовать древнего бога – лишь дойдя до круга света, отбрасываемого пламенем костра, рухнул на колени и забылся тяжелым, непроглядным сном.

Придя в себя, он обнаружил, что раны его промыты и перевязаны. С другой стороны костра на него смотрел Зар.

- Пришла ли моя смерть, вождь? – спросил Дерзаг, поднимаясь.

- Еще нет, - ответил Бог Войны голосом, подобным грохоту каменной лавины. – Не торопись, воин. Важно не то, когда ты умрешь, а то, что успеешь сделать.

Орк сразу понял: Хозяин Костяного Шатра избрал его для выполнения какой-то задачи.

- Чем могу я отблагодарить тебя за спасение? – спросил он.

Расхохотался Зар, и эхо его смеха гремело над пустыней не один день.

- Ты отважен и умен, - сказал наконец бог. – В твоём народе немало обладателей первого качества, но почти нет тех, кто мог бы похвастаться вторым. Разнеси по всем племенам весть о моем возвращении. Пусть каждый зеленокожий знает, что я снова здесь, наблюдаю за вами, выбираю лучших бойцов, забираю их в свою армию. Однажды наступит час, когда мое воинство вернется в мир, поработит его, очистит огнем и смоем кровью пепел!

- Я готов, вождь! – воскликнул Дерзаг с жаром и схватился за ятаган.

- Запомни: истинная сила сокрыта только в единстве. Отдельными племенами вы никогда ничего не достигнете. Твои братья мертвы, ты сам едва не погиб только потому, что каждый из вас встречал опасность в одиночку. Столкнись вы с волками втроем, ни одному зверю не удалось бы уйти. Так и в большом мире: наскакивая на бородатых коротышек и белокожих рыцарей, вы способны лишь грабить, наскакивать и убежать, подобно гиенам. Но объединившись, вы обретете возможность подчинять.

- Ни один из наших вождей не станет подчиняться другому, - ответил Дерзаг.

- Твоя правда, - кивнул Зар. – Это и есть та жертва, которую необходимо принести ради будущего могущества. Объединить племена удастся одной только силой. И эта сила – ты. Отправляйся домой. Когда почувствуешь в себе достаточно умения и мощи, вызови на поединок вождя и убей его. Не трать ресурсы племени на бесплодные набеги на деревни людей и гномов, обратись против сородичей, покори их, преврати в собственных слуг, создай величайшую армию орков, которую когда-либо видел этот мир. За проступки карай смертью, за верность вознаграждай добычей – и твоя слава не померкнет в веках.

- Я готов, мой вождь! – склонил голову ошарашенный Дерзаг.

- Однажды мы снова встретимся, - пообещал Зар. – И, если справишься с задачей, то сядешь по правую руку от меня на Костяном Престоле, обретешь право судить погибших воинов.

- Я не подведу! – воскликнул Дерзаг. Он поднял глаза, но уже не увидел своего собеседника. Костер догорал, а Зар исчез, бесследно растворился в воздухе. Только эхо его громового смеха продолжало звучать, обращая в бегство стервятников и волков.

Окрыленный столь удивительной встречей, Дерзаг Каг отправился в сторону родного

стойбища, неся в сердце белое пламя Бога Войны. Так началось его долгое и трудное восхождение к бессмертному величию...»

Таким образом, получается, что образование единого орочьего каганата произошло по воле Зара. Так это или нет, нам с вами никогда не узнать. Но доподлинно известно, что во времена Дерзаг Кага в честь кровавого Бога Войны орки возводили на своих степных маршрутах целые курганы из черепов убитых рыцарей и пленников. Некоторые из них сохранились до наших дней. Именно такое отвратительное и печальное зрелище послужило вдохновением для знаменитого поэта Джойса Иснарского, который после путешествия по Карраз-Гулу написал одно из своих самых пронзительных стихотворений:

*Среди мертвых бескрайних равнин,
Там, где ворон пирует один,
Там, где царствует злобный шакал,
Где человек сотни лет не бывал,
Там, где умер кровавый каган -
В честь Зара воздвигнут курган.
Не привлекает курган тот воров -
Он сложил его из черепов.*

*У подножья кургана старик,
К черепам, как к родным, он приник,
Он в глазницы пустые глядит,
С черепами лишь он говорит.
Он поет с ними песни людей,
Он поет с ними песни степей,
Сложно петь старику одному -
По ночам черепа подпевают ему.*

цитируется по книге «Сказания и Оды»,
издание 27 года до Последнего Мора

В том же сборнике представлена и поэма другого поэта, сказителя Амраса Среброгласого, жившего при дворе Магмура III, последнего короля Нидгарда. Это длинное произведение, описывающее различные далекие земли. Среди прочего есть и небольшая главка под названием «Врата Бога Войны», по некоторым строкам из которой можно сделать вывод, что речь идет о так называемых «Вратах Зара», полумифическом сакральном комплексе, скрытом где-то на южных рубежах плато Ру-Аркх. Неизвестно, от кого Амрас получил материал для своего творчества, но, несмотря на то, что непосредственно врата в тексте не описываются, сделать ошибочный вывод почти невозможно. Судите сами:

*Стоят истуканы мрачно, древние монолиты,
Они заросли травой и трецинами перевиты,
Пахнут дождями и ветром, временем и песком,
Беседуют сами с собою, забывшись тяжелым сном.*

Каменные продолжения, имена произнесенные,

*Каменные злодеи, к вечной казни приговоренные -
Стоят истуканы мрачно, угрюмые стражи границы,
И ни на кого не смотрят их обезьяньи лица...*

Отрывок из поэмы «Над Миром»
цитируется по книге «Сказания и Оды»,
издание 27 года до Последнего Мора

Вообще, в отличие от гномов, которые Зара не признают ни в каком виде (им его с успехом заменяют многочисленные воины прошлого, ныне возведенные в чин Гранитных Предков и высеченные в камне), среди людей этот жестокосердный бог пользуется немалой популярностью. И пусть как такового поклонения ему в землях Фархейма не встречается, он постоянно присутствует в культурной сфере жизни. Зар – частый персонаж различных песен, легенд, баек, анекдотов. Даже серьезные сочинители обращались к его образу в философских трактатах и художественных текстах. Например, известный в свое время крулльхольмский романист Лайрон Желтозубый написал целую повесть под названием «Время Зара», завоевавшую нешуточную популярность во всех Трех Королевствах. В повести древний бог войны предстает настоящим героем, всемогущим мстителем, который карает неправедных. Он возвращается из Бездны и бродит по землям Фархейма в обличье простого смертного, борясь с несправедливостью и воздавая злодеям по заслугам. Ходили слухи, будто Лайрон не сам придумал сюжет, а работу над повестью начал после встречи с неким сказочником по имени Сигмунд Синеус, однако наказанию писатель подвергся вовсе не за плагиат. Вскоре после выхода повести королевская цензура Стогворда и Нидгарда усмотрела в ее тексте призывы к разрушению существующего порядка и даже к свержению королевской власти. Лайрон Желтозубый был схвачен и навеки посажен в подземелье, а все экземпляры книги сожжены. По счастью, она успела разойтись достаточно далеко, так что я теперь имею возможность привести здесь достаточно большой отрывок из текста, отчетливо характеризующий образ Зара, созданный писателем.

Вдалеке гулко лаяла собака, словно пытаясь прогнать ночь. Через поле, чуть прихрамывая на левую ногу, шел Зар. Пожухлая трава едва слышно шуршала под его шагами. Впереди, на границе неба и земли, горели теплые огоньки хутора. Высоко над ними купалась в мягких объятиях туч грязно-желтая ущербная луна, похожая на обломанную монету. Ветер стелился по земле и прятался в голых ветвях деревьев, чувствуя приближение снегопада - вот-вот должна была закончиться осень.

Зар насвистывал песенку, названия и слов которой он не помнил, а может, и не знал никогда. Думать об этом не хотелось, само слово "никогда" расстраивало его: он считал себя вечным, но в глубине души знал, что вечным может быть лишь то, что не существует. Поэтому он просто насвистывал и представлял, как далеко-далеко отсюда, на огненном юге сейчас царствует полдень...

Зар понимал, что он там, но легче от этого ничуть не становилось, ведь он был и здесь, на стылом, мертвом поле, среди ветра и холода - и надеяться оставалось только на то, что хозяева хутора окажутся людьми с добрым сердцем и пустят его хотя бы в хлеб.

Взгляд его наткнулся на нечто, уродливо возвышающееся на краю поля - нечто, напомнившее ему собственную молодость, такую далекую и потому почти уже забытую.

Виселица. В ночном сумраке она громоздилась нелепой, неправдоподобной конструкцией, изломанным рукотворным чудовищем, состоящим из смерти и дерева. Высокий, немного

покосившийся столб с поперечной перекладиной, угрюмая свора ворон и размякшее, покачивающееся на ветру тело. Современная версия распятия... вместо гвоздей - жесткая, скрипящая веревка, всего за мгновение обрывающая дыхание. Теперь все предпочитают делать быстро: и жить, и любить, и убивать.

Зар подошел ближе. Вороны, хрипло ругаясь и тяжело хлопая крыльями, взлетели с перекладины - у него никогда не было хороших отношений с этими птицами. Возможно, потому, что он часто отбирал у них добычу.

Голова повешенного, свернутая набок, была покрыта черным мешком. Пожалуй, они еще не успели склевать ему лицо. Зар тронул мертвеца за ногу:

- Что ты сделал?

Казненный ответил не сразу. Нелегко говорить, если пару дней назад тебя повесили. Но наконец, с огромным трудом выдавливая из себя слово за словом, он сказал тяжелым, скрежещущим шепотом:

- Я говорил, что наш барон - негодяй и ублюдок.

Зар усмехнулся:

- Что такое? Он отобрал у тебя возлюбленную?

- Он отобрал... у нас урожай...

- Ясно. Это не ново. Во всем мире бароны отбирают урожай. Всегда так было и всегда будет. Есть тот, кто выращивает урожай, и есть тот, кому он принадлежит. И очень редко это один человек.

- Я... знаю.

- Так почему же?

- Обида...

Зар вновь похлопал бедолагу по ноге:

- Понятно. Ладно, пойду...

- Постой... сними мешок.

- Зачем?

- Хочу увидеть восход.

- Тебе же вороны склюют глаза до полудня.

- Ну и что... пусть... хочу увидеть восход.

- Как знаешь.

Зар протянул руку и одним движением сдернул мешок с головы повешенного. Тот оказался совсем еще молодым парнем, черноволосым и голубоглазым. Пожалуй, еще неделю назад деревенские девушки заливались румянцем при встрече с ним и мечтали по ночам о его руках и губах. Теперь он вряд ли мог стать объектом чьих-то мечтаний. Кроме ворон, конечно.

Губы его чуть раздвинулись:

- Спасибо.

Зар пожал плечами:

- Не за что. Слушай, не подкажешь мне одну вещь?

- Да?

- Знаешь хозяев ближайшего хутора? Вон того, где окна горят. Как они, люди не злые?

- Нет.

- Пустят меня переночевать?

Казалось, мертвец немного заколебался, прежде, чем ответить:

- Пустят, конечно. Только... не причиняй им вреда.

- Ну что ты. Я люблю тех, кто сам добр... не верь всему, что говорят обо мне. Прощай.

И Зар, напоследок еще раз хлопнув повешенного по ноге, зашагал к хутору. Ему

показалось, покойник что-то пробормотал вслед, но из-за шелеста своих шагов он ничего не услышал, а оборачиваться не стал. Никогда не обращайтесь внимания на то, что говорят вам мертвецы на прощанье - лучше этого не знать.

У калитки Зар остановился и громко постучал. Во дворе взвился судорожный хриплый лай - сторожевой пес честно отработывал свой хлеб. В доме зашумели шаги, открылась со скрипом входная дверь, раздался чуть встревоженный старческий голос:

- Кто там?

- Пусти переночевать, отец! - как можно дружелюбней ответил Зар. - В поле холодно... я один...

Хозяин, оказавшийся невысоким сухим стариком с длинными пепельными волосами, неспешно спустился с крыльца и отворил калитку. Окинув гостя взглядом, он сказал:

- Ну здравствуй, добрый человек. Заходи...

Зар поклонился и шагнул во двор. Пес, поняв, кто перед ним, поперхнулся лаем, по-щенячьи взвизгнул, вильнул хвостом и забрался в конуру. Старик или не заметил странного поведения своей собаки или просто не придал ему значения. Он запер калитку на засов и жестом указал на дом:

- Проходи, парень. На лихого человека ты вроде не похож... А ночи нынче и вправду такие, что зубы сводит. Проходи, сейчас мы тебя накормим, постель подготовим...

Зар усмехнулся:

- Да что ты, отец! Мне и в сарае соломы хватит...

Хозяин мягко подтолкнул его в спину:

- Иди в дом, сказал. Зачем в сарай, коли в тепле место есть.

Зар, обезоруженный такими рассуждениями, поднялся по ступенькам и, только оказавшись в желтом тепле сеней, понял, насколько старик прав.

Через несколько минут он сидел за столом, прислонившись спиной к горячему боку печи, и с удовольствием ел тушеную капусту с грибами - после нескольких голодных, промозглых ночей эта нехитрая еда оказалась вкуснее любых, самых изощренных яств, которые ему доводилось пробовать. Хозяин с женой сидели на другой стороне стола, наблюдали, как он ест, изредка задавали обычные, ни к чему не обязывающие вопросы: где он проходил, да что видел. Странная это была пара - казалось, старость навалилась на них раньше времени, покрыв волосы серым налетом, а лица - мелкими морщинами. И со старостью появилось что-то еще - большое и тяжелое, словно могильная плита. Оно гнездилось в их покрасневших глазах, в скованных, будто неживых, движениях, в напускной непринужденности разговора. Пряталось за этим тихим, спокойным, уютным вечером, сквозило во взглядах и вымученных улыбках.

Зар решил не обращать внимания. Угрозы для него двое добродушных стариков не представляли, а лезть в их личные дела не было никакого желания.

- Да, пару лет назад я там пытался коня купить, - ответил он на очередной вопрос хозяина. - Но меня обворовали, на рынке в толпе срезали кошель с деньгами - ловко так, незаметно. И все, даже медного гроша не осталось. Какой уж тут конь, сами понимаете... живому бы остаться.

Хозяева дружно закивали головами, искренне жалея нового знакомого. В больших городах так легко попасть в переплет. Незачем им было знать, что вора он нашел всего через несколько минут - а уж о том, что он с ним сделал, не следовало знать никому....

Зар доел капусту и, сыто рыгнув, привалился к печи. За окном огромная луна выкатилась из-за туч - и на ее фоне темной кляксой изгибалась виселица.

- Невеселый у вас вид открывается, - заметил он.

Старуха охнула и уткнулась лицом в ладони. Муж крепко обнял ее, будто пытаясь остановить беззвучные рыдания, прижался лицом к жидким седым волосам. Когда он вновь повернулся к гостю, на щеках его блестели мокрые дорожки.

- Это наш сын, - объяснил он дрожащим голосом и замолчал, угрюмо глядя на Зара.

До восхода солнца еще оставалось немного времени, и мир погрузился в тот размытый, серый полумрак, который царствует на границе дня и ночи. Не было тьмы, не было света, все вокруг заполнили тени. И лес, и трава, и небо - все было одного цвета, все извивалось, смещалось, менялось местами. Утренний воздух неприятно холодил тело, ноги топтали свежую, ледяную росу. Из оврага белесыми щупальцами напелзал туман.

Зар шел через лес. Ночью, уложив жену спать, хозяин еще долго сидел с ним у печи, курил крепкий домашний табачок. И рассказывал - о том, как барон в очередной раз повысил налоги, которые теперь пожирала почти весь урожай, как люди, скрипя зубами и разоряясь, смирялись с этим, как его сын, слишком молодой для того, чтобы быть осторожным, неделю назад прилюдно обругал барона. Губы старика дрожали, он замолкал, глубоко затаивался, наблюдал за плавающим под потолком дымом, избегая даже смотреть в сторону окна, потом вновь говорил - о доносе, позорной казни и страшном, мучительном запрете снимать тело с виселицы в течение десяти дней.

Потом старик плакал, судорожно, хрипло, утирал трясущимися пальцами слезы. Зар не пытался его успокоить, лишь равнодушно смотрел перед собой, изучая трещины на стене. Эта история его не тронула - подобные вещи происходили повсюду на протяжении уже многих веков. Да и он сам в свое время приложил к ним руку.

Однако, пару часов пролежав без сна на отведенном ему топчане, Зар поднялся и вышел в серую ночь, не закрыв за собой дверь.

Цель уже виднелась впереди - большой, угловатый дом, черным пятном выступающий из окружающего бесцветия. Ни огня, ни звука - дом крепко спал в последние предутренние минуты.

Здесь обитал Гарри Мышелов - самый уважаемый и зажиточный фермер округа. Именно он, услышав в трактире гневные слова рассерженного молодого парня, поспешил донести о них барону. Именно он привел всадников к хутору бедняги и выбирал место для виселицы. Гарри сделал все это, потому что хотел жить тепло и сытно - и как можно дольше. Ему наплевать на презрение соседей, если такой ценой можно получить лучшие пастбища для своих овец. Ему тем более безразлична смерть человека, если она давала защиту барона и индивидуальное понижение налога.

Зар пришел не мстить, он намеревался развлечься - всегда интереснее лишать людей того, чем они больше всего дорожат, и ради чего пришлось пойти на серьезные жертвы. Мышелов ценил лишь сытую жизнь, а значит, он принадлежал ему.

Собаки, злобные клыкастые зверюги, не издали ни звука - бесцветным сумраком незванный гость перемахнул через забор, пересек обширный двор, с удовольствием растапывая хрупкие кустики смородины. Куда идти, Зар знал - быстрым, почти неуловимым движением он взметнулся по бревенчатой стене к темному окну, с треском проломил ставни и ввалился в комнату, забрызгав ее щепками.

Ветер, ворвавшийся следом, захлопал широкими льняными занавесями, лизнул лица двух людей - испуганных, не понимающих спросонок, что происходит.

Мышелов и его жена во все глаза пялились на стоящую перед ними черную фигуру. Зар чуть было не рассмеялся, глядя на их растерянные, заплывшие жиром рожки.

- Ну вот мы и встретились! - торжественно заявил он, взмахнув рукой. - Наконец-то я

имею честь лицезреть вас, о высокочтимый господин. Столько слухов ходит...

- Кто это!? - наконец нашел в себе силы спросить Мышелов. Получилось хрипло и жалко. Он был смертельно напуган. - Я прикажу выпороть!

Зар отшатнулся в притворном ужасе:

- Выпороть?! Прикажешь?! Совсем недавно погубил свою первую жертву, а гонора уже хоть отбавляй... ты наш человек, дружочек...

Мышелов замер с открытым ртом - несмотря на всю свою растерянность, он понял, что к нему пришли из-за повешенного пару дней назад дерзкого мальчишки. Барон, несмотря на всю свое могущество, так и не смог защитить его. Что ж, придется защищать себя самому. Мышелов был трусом и знал, что в драке у него нет шансов - но убедительно говорить он мог, и это не раз выручало его в самых сложных ситуациях.

- Послушай, - начал он. - Все пошло не так, как я предполагал... произошла ошибка... они все перепутали... на самом деле... Добрый человек, выслушай меня...

Зар все-таки расхохотался. Не так как обычно - не бежали по стенам третины, не вылетали стекла из окон - но этого смеха вполне хватило, чтобы подленькая душа Мышелова ушла в пятки. Стало ясно, что его пришли убивать.

- Добрый человек, - пробормотал, отсмеявшись, Зар. - Это надо же... добрый человек...

И он чуть заметно шевельнул рукой. И сразу случились две вещи. Во-первых, жену фермера, начавшую было потихоньку сползать на пол, отбросило в угол, протащило по стене вверх и прижало к потолку - она только там начала кричать, настолько быстро все произошло. Во-вторых, у Мышелова лопнул живот. В буквальном смысле - будто впервые в мире сбылась извечная угроза матерей своим чересчур прожорливым детям. Мышелов захлебнулся истошным визгом, глаза его вытаращились так, что, казалось, вот-вот должны были со смачным хлопаньем выскочить из глазниц. Он забился на кровати, полетели на пол перепачканные одеяло и подушки. Визг перешел в судорожный, булькающий хрип, Мышелов замолчал, но не умирал. Он оставался в полном сознании и каким-то совсем крохотным клочком разума понимал, что казнь еще не закончилась, самое страшное впереди. Так оно и было.

Зар медленно ходил вокруг кровати, назидательно поднимая палец, и учительским, не терпящим возражений, тоном рассказывал:

- Чаще всего ранение в живот является смертельным. Однако смерть наступает далеко не сразу, и неоднократно описаны случаи, когда солдаты в состоянии болевого шока пробегали несколько миль, путаясь ногами в собственном кишечнике. Это дает нам основания полагать, что при достаточном умении и наличии специальных средств вполне возможно устранить вероятность летального исхода, то бишь полностью вылечить человека с подобным ранением. Однако открытым остается вопрос, лежащий, я бы сказал, совсем в другой плоскости. А стоит ли? Вот ты... э.. добрый человек, какого мнения?

Мышелов принялся лихорадочно кивать. Зар умиротворяющее улыбнулся ему:

- Другого я и не ожидал. Что поделаешь, это ведь ситуация говорит за тебя, правильно? Это твое отчаянное положение взывает к милосердию и считает его высшей благодатью и столпом мироздания. Но ведь ты сам так не думаешь! Лично ты считаешь, что милосердие - удел трусов и слабаков, что оно хорошо только на словах, а на деле - каждый сам за себя... Для тебя три десятка монет гораздо приятнее позорного столба. Что, впрочем, достаточно логично и объяснимо. Пойми, я вовсе не призываю разбрасываться милосердием - это вредно и пошло. Милосердие нужно ценить, как воду в пустыне, и никогда не тратить его попусту, согласен?

Мышелов снова начал мотать головой. Волосы его слиплись от пота, глаза уже не

выражали ничего, кроме дикого бесцветного ужаса, на губах лопались красные пузыри.

Зар довольно хлопнул в ладоши:

- Видишь, как мы быстро находим общий язык. Милосердие - это сокровище. Но любое сокровище имеет смысл лишь по отношению к людям, окружающим его владельца, так ведь? Его нужно пускать в оборот, как деньги, как драгоценности... А тот, кто милосердие сосредоточенно копит, расходуя его лишь на одного себя, в конце концов сталкивается с проблемой. Однажды милосердие заканчивается, и кое-кому его уже не хватает. Что ж, вывод, по-моему, вполне логичный, как думаешь?

Мышелов смог только моргнуть в знак согласия. Зар, снисходительно и мудро кивнув в ответ, подвел итоги:

- В целом, я доволен получившейся дискуссией. С радостью бы побеседовал с тобой еще, но меня начинает утомлять мрачная обстановка этой комнаты. Так что мы продолжим наш разговор потом, когда встретимся снова. А мы встретимся, не сомневайся, дружище - там, где никогда не было и никогда не будет неба...

Зар плюнул на труп и, подойдя к новоиспеченной вдове, все еще висящей под потолком, доверительно сообщил:

- Собаке собачья смерть! - после чего ловко выпрыгнул в окно, слившись с серыми тенями подступающего утра. Вдова, которая уже давно не кричала, а только скулила, будто побитая собачонка, с грохотом обрушилась на пол. Больше всего на свете ей хотелось ослепнуть - чтобы не видеть того, что расположилось на их супружеском ложе...

А Зар шел прочь через поле, и слева от него из-за горизонта лениво поднималось в бледное небо огромное оранжевое солнце. Хотелось петь. Он прекрасно понимал, что содеянное им иначе как мстью назвать нельзя. Да, он отомстил, хотя вовсе и не собирался этого делать. Но именно поэтому и хотелось петь.

Лайрон Желтозубый, «Время Зара»
издание Свободной Печатни Иснара

После Последнего Мора начали поговаривать, будто Зар вернулся. Лично я склонен списывать подобные разговоры на банальный страх перед будущим, на стремление найти некую опору в мире, где не осталось ничего, кроме Хаоса. Впрочем, Зар – и есть воплощение Хаоса, дикого, жестокого, сметающего все на своем пути. Может, он вправду здесь. В любом случае, нам, людям, не стоит особенно рассчитывать на его помощь. Если он и пришел помочь, то только зеленокожим. А всем остальным нужно готовиться к новым ударам судьбы, ведь, как говорят орки, «Зарова дубина промаху не знает»!

ЧАСТЬ V. ХИМЕРА

*А ночью луна пела:
О забытых навсегда городах,
О потерянных следах
И замерзшем одиночестве.
А луна все знала,
Но поклялась вечно молчать,
Только колючему ветру
Доверяла она секреты...*

«Ода Химере»,
перевод с эльфийского –
брат Зерис

В душе каждого из нас есть темные места, которых мы стараемся избегать. Мрачные, лишённые света углы, полные смутных, едва различимых форм, неясных, пугающих мыслей и желаний. Это владения Химеры, изменчивой властительницы теней.

О происхождении этого загадочного, могущественного существа ходит множество легенд. Одну из них, наиболее распространённую среди людей и эльфов, я уже пересказывал в главе о создании нашего мира. Однако это не единственная версия. Например, гномы верят, будто Бледная Старуха (так они её именуют) появилась на свет из яйца, снесённого первым великим василиском. Огромные крылатые ящеры, взглядом превращавшие своих жертв в камень, обитали на вершинах Торгорского Кряжа и Арганайского Хребта до появления в мире разумной жизни. Первыми пришли эльфы и, поселившись среди южных гор, извели василисков под корень. Северные ящеры продержались гораздо дольше, но Глубинная Империя тоже не стала церемониться с ними впоследствии: гномы, мастера ловушек и капканов, расправились с василисками всего за несколько поколений – в те времена у них даже существовала Гильдия Трапперов, специализировавшаяся на уничтожении чудовищ и потом упразднённая за ненадобностью. Так вот, якобы первый василиск являлся отцом и матерью (считается, что эти существа были двуполы) Бледной Старухи, взявшей в свои руки власть после исчезновения Ушедших Богов. Подгорные мастера относились к ней с уважением – возможно, потому что сами жили в пещерах, среди темноты и теней.

Кстати говоря, легенда о родстве Химеры с василисками имеет под собой некие основания. У всех четырех народов представления о внешнем виде богини вполне сходны: она обычно описывается и изображается как высокая худая женщина со змеиной кожей. Голову её закрывает сплошная маска, прячущая лицо, ибо глаза Химеры способны обратить любого, заглянувшего в них, в камень. Это она унаследовала от своих предков. Чаще всего Хозяйка Теней представляется беременной. Это очень древний мотив, связанный с предсказанием о том, что, как только у Химеры родятся дети, миру наступит конец. Уже много столетий подобные предания не рассматриваются всерьёз и не пользуются популярностью, но традиция есть традиция – даже на относительно новых барельефах, фресках и иллюстрациях Ночная Госпожа изображается с внушительным животом. Это и есть эталон, неизменный в течение веков. Любые другие детали её облика варьируются от эпохи к эпохе и от народа к народу.

Орочьи племена никогда не поклонялись Химере и не воспринимали ее всерьез. Она была слишком сложна для их восприятия – варвары четко делили мир на черное и белое, на плохое и хорошее, и серому, промежуточному, в такой картине не находилось места. Впрочем, при первом и последнем настоящем кагане, Дерзаге Каге, элита племен попыталась наладить общение с Химерой: по слухам, они провели несколько ритуалов в разрушенном эльфийском храме Первых-Песен-Луны, превращенном в важный орочий форт, контролирующий всю Долину Красных Камней в сердце Карраз-Гула (см. трактат «Воспоминания о Странствиях» за авторством сэра Бистола Тишайшего). Что это были за ритуалы и чем они закончились, неизвестно – орки не ведут летописей и не фиксируют никаких событий – однако с тех пор в арсенале племенных шаманов появились новые, непривычные заклинания. Наиболее известным из них считается укрепление щитов костями павших воинов, благодаря чему бойцы, несущие эти щиты, могут создавать перед собой особые колдовские барьеры.

Люди и эльфы, напротив, поклонялись Химере с давних времен. Возможно, именно поэтому они считают ее очень древним созданием, воплощением одной из основополагающих сил вселенной. Однако, если среди эльфов она почитается наравне с остальными богами, то в людских королевствах химеропоклонники издревле преследовались и презирались, подобно преступникам или прокаженным. С самого начала своего существования люди знали, что от теней не стоит ожидать ничего хорошего, что темные искусства позволяют достигнуть лишь видимости могущества, но требуют слишком многого взамен.

Правда, всегда находились те, кому казалось, будто путь сквозь мрак короче и легче, чем обычная жизненная дорога, полная ухабов, препятствий и несправедливости. Находились даже те, кто выбирал служение Королеве Теней сознательно, абсолютно четко понимая, какую цену придется заплатить. Такие люди есть в каждом поколении, и, несмотря на то, что их никогда не бывает много, черные дела, совершенные ими, живут веками, отравляя существование целых народов.

Еще на заре человечества мудрецы предостерегали молодое поколение от обращения к Химере. Безликая Богиня (так она поначалу именовалась среди северных племен, а затем на территории Круллхольма) стала настоящим пугалом, она часто фигурирует в летописях и документах тех времен в качестве первопричины любых несчастий и бед.

Несмотря на все суеверия, в текстах, посвященных Ночной Госпоже, нередко встречаются вполне здравые размышления, справедливые по отношению к представителю любого народа – размышления о природе зла как такового, о взаимосвязи совести и судьбы, о том, как сделать выбор между тьмой и светом. В качестве примера позвольте привести следующий фрагмент:

«Химера – богиня лжи, обмана, двуличия и лицемерия. Химера – богиня примитивных желаний и низменных страстей. Химера – повелительница существ, таящихся в пересохших глубинах человеческих душ. Она повелевает жадностью, завистью, злобой и похотью, будит беспринципное, бесстыдное начало в человеке, заставляет совершать поступки, о которых приходится жалеть в течение всей оставшейся жизни. Химера будит тягу к познанию, наполняет человеческий разум волей к победе над окружающим миром. Она отвратительна и прекрасна одновременно – в ее власти даровать своему чемпиону долгую жизнь и красоту, открыть перед ним самые древние тайны вселенной, но в уплату потребует поистине ужасающих свершений. Суть Химеры – равновесие. Получив что-то, ты должен лишиться столь же ценного. Не верь Химере, не поддавайся ее обещаниям и увещеваниям, не слушай ее историй, не соглашайся с теми, кто рассказывает, как хорошо и выгодно служить ей. Не

позволяй сомнениям поселиться в своем сердце, ибо как только ступишь ты на тропу служения, обратного пути уже не будет. Помни об этом, когда придется делать выбор.

Множество несчастных, прельстившись соблазнами и возможностями, поддавшись Химере, стали ее жертвами, обреченными на несчастье. Нелегко отвергнуть ее предложения – ибо взывает она к самым основам нашего бытия, будит в нас зверя и говорит с ним, а зверь не рассуждает о последствиях, губительных не только для несчастного, но и для всех вокруг него. То, при одной только мысли о чем раньше бешено стучало сердце и перехватывало дыхание, теперь становится привычным и обыденным. Зло из запретного плода превращается в повседневную, привычную реальность, а ты из творения Богов превращаешься в нечто бессмысленное и пустое, банальный инструмент, который выбросят, как только пропадет в нем нужда...»

«Наставления Юношеству»

бард Глаф Гвоздослов

1047 год до Последнего Мора

Тем не менее, несмотря на столь убедительные и умные поучения, Химера всегда находила путь к сердцам нужных ей людей. И если на заре человеческой цивилизации ее слугами в основном были изгои, сумасшедшие и шаманы, то в более позднюю эпоху она склонила на свою сторону элиту общества: рыцарей, благородных дворян, богатых купцов, даже членов королевских семей. После крушения династии Железноглазых, которые сурово карали за применение черной магии, мода на темную сторону сверхъестественного начала постепенно захватывать лучшую часть населения Трех Королевств. К началу пятого века до Последнего Мора почти во всех знатных домах проводились сеансы вызова духов, представители благородных семейств все чаще обращались за помощью к колдунам и ведьмам, многие из них сами взялись за изучение содержимого запрещенных книг. Именно так, из невинных и безобидных на первый взгляд забав выросло то, что гораздо позже стало именоваться сектой Повелителей Теней.

О тех временах написано немало пугающих книг и сложено немало тоскливых баллад, но лучше всех безысходность и отчаяние сумел передать сэр Игвар Лихая Стрела, известный не только как один из искуснейших стрелков Трех Королевств, но и как талантливый писатель, оставивший будущим поколениям объемные воспоминания, рассказанные прекрасным языком и предельно откровенные – настолько откровенные, что его книга, изданная в типографии Третьей Цитадели Алхимиков, так никогда и не попала в библиотеки Паладинов. Орден категорически отверг сей труд, объявил его лживым и еретическим, бредом сумасшедшего. Тем не менее, большинство историков нашего Братства придерживаются иной, диаметрально противоположной точки зрения. Сэр Игвар жил на рубеже третьего и четвертого веков, в эпоху наивысшего расцвета Погонщиков Теней, и, будучи одним из немногих незатронутых этой чумой членов Ордена, стал свидетелем большинства темных свершений секты. Сэр Игвар, посвятивший жизнь служению народам Трех Королевств, не раз рисковавший ей в битвах с зеленокожими кочевниками, исчез бесследно в 382 году до Последнего Мора. Он отправился в свою усадьбу Раммнор, что находилась на границе Круллхольма и Стогворда, но так никогда до нее и не добрался. Поисковые партии, отправленные Орденом и семьей сэра Игвора, смогли найти только уздечку его коня, ножны меча, да несколько ключев плаща на колючем кустарнике. Славный рыцарь пропал навсегда вместе со всеми своими сопровождающими: двумя оруженосцами, конюхом, племянником-сквайром и молодой стряпухой. Орден официально объявил, что этот крохотный отряд

подвергся нападению разбойников. Я, конечно, не специалист, но лесные грабители редко уничтожают все возможные улики, включая тела жертв. У меня нет права делать определенные выводы, но здравый смысл подсказывает: если ищешь виновников преступления, всегда ищи тех, кому оно выгодно. Как бы то ни было, копия мемуаров сэра Игвара к тому времени уже лежала в хранилище Третьей Цитадели. Сейчас я предлагаю вашему вниманию небольшой отрывок из этого объемного и по-настоящему страшного труда:

«Меня разбудил шум. В башнях Заставы никогда не бывает полной тишины: сменяются караулы, часовые окликают проходящих, в коридорах гремят смехом послушники и рыцари, засидевшиеся допоздна в оружейной или таверне. За семь с лишним лет я успел привыкнуть к подобному, и всегда спал крепко, несмотря на происходящее за стеной. Но на этот раз шум оказался совершенно иного свойства.

Крик был очень слабым – это я понял, еще не успев полностью прийти в себя – едва различимым. Где-то далеко внизу, то ли на первых этажах, то ли в подвалах. Похоже, женский. Открыв глаза, несколько томительно долгих мгновений я лежал на спине, всматриваясь, вслушиваясь в окружающую темноту, стараясь уловить хоть отзвук, хоть обрывок того, что выдернуло меня в реальность. И когда уверенность в том, что крик явился мне во сне, почти заставила веки опуститься, я вновь услышал его: пронзительный, отчаянный, но приглушенный расстоянием и толщиной разделяющих нас перекрытий.

Я встал с кровати, нашарил огниво, зажег с его помощью факел, висевший в скобе у двери. При свете быстро натянул штаны, накиннул перевязь с палицей и кинжалом. Открыв дверь, вышел в коридор, постоял некоторое время, прислушиваясь – мой разум еще не очистился от сонного тумана, и потому мне не сразу удалось понять, каким путем нужно следовать, чтобы добраться до источника пугающего звука.

Подумав, я толкнул дверь в соседнюю келью, которую занимал мой друг Бергран. Он спал, как младенец, и, несмотря на то, что я тряс его за плечо со всей возможной силой, пробуждался невероятно медленно.

- Что за сеута? – спросил он наконец, протирая глаза.

- Женщина кричит, - объяснил я шепотом. – Слышишь?

Он прислушался, потом помотал головой:

- Нет. Тихо все.

- Кричала, - настаивал я. – Точно. Внизу.

- Да не переживай, - отмахнулся Бергран, начиная переворачиваться на другой бок. –

Скорее всего, Джарра новую пассию привел, никак не нарезвится...

Крик раздался снова. Бергран мгновенно сбросил с себя оцепенение, сел на кровати.

- Нет, - пробормотал он. – Это вряд ли Джарра.

Мой друг поднялся и начал спешно собираться.

- Дело тут нечисто, - говорил он, натягивая бріджи. – Что-то такое я слышал несколько дней назад, только там вроде бы паренек кричал. Еще подумал сквозь сон, мол, послушник с лестницы упал или еще чего... а наутро забыл начисто.

- Проверим, - сказал я. – Кто там с лестницы падает.

Закончив одеваться, Бергран запалил свой факел от моего. Мы вышли из кельи, начали спуск, стараясь ступать как можно тише и не обмениваться словами попусту. Первая заповедь разведчика – не выдать себя. Не так важно узнать что-нибудь необычное, как остаться незамеченным самому. После каждого шага мы замирали и прислушивались, одновременно и стремясь услышать очередной крик, и страшась этого. Легкий шорох наших

одеяний, напряженный стук сердец, шум дыхания – все это, казалось, звучало настолько громко, что целая башия должна сотрясаться от грохота.

Мы покинули жилые уровни, добрались до складов. Воплей давно уже не было слышно, поэтому нам пришло в головы, что, возможно, их источник располагается где-то здесь. Бергран и я бродили среди бочек и ящиков, освещая тусклыми факелами углы, полные паутины и крысиного помета. Скажу откровенно, у меня появилась вполне отчетливая мысль, будто нам все только почудилось. Может, кричала какая-нибудь птица? Выть не водится в здешних местах, но мало ли...

В этот самый момент свет моего факела выхватил из темноты бледное лицо с вытаращенными глазами, и мне лишь чудом удалось не заорать от ужаса. Глаза, не моргая, смотрели на меня, а губы, бескровные, синие, трясущиеся, кривились в безуспешной попытке что-то сказать.

- Берг, иди сюда! – громким шепотом позвал я своего товарища. Он подошел, осветил худую фигуру в исподней рубахе, запачканной кровью.

- Ушедшие Боги, - пробормотал Бергран. – Это же Джарра!

И точно. Теперь я узнал его, нашего соратника и близкого друга, грозу всех наивных девичьих сердец на десять миль вокруг. Джарра, прозванный Степным Лисом за свои подвиги в войне против орков и за огненно-рыжую шевелюру, выглядел лет на двадцать старше своего возраста. Волосы его поседел, глаза ввалились, а кожа приобрела серый, землистый оттенок. Не спуская с нас взгляда, он изо всех сил старался выговорить какое-то слово, но дрожь, бившая его тело, не позволяла.

- Успокойся, дружище, - сказал Бергран. – Тебе нечего бояться. Мы нашли тебя, все хорошо.

У меня все внутри перевернулось от этих фраз. «Хорошо». Мы находились настолько далеко от «хорошо», насколько возможно. И совсем скоро могли оказаться еще дальше.

- Хим... Химера, - произнес Джарра. – Ночная Госпожа...

Сказать, что услышанное потрясло нас, значит, ничего не сказать. Разговоры о последователях Химеры уже несколько месяцев бродили среди гарнизона нашей Заставы. Из уст в уста передавались мрачные слухи о том, что двух или трех послушников застали за справлением запрещенного ритуала, во время которого они пытались принести в жертву козленка или кота или даже младенца. Поговаривали, будто среди пойманных был некто, уже посвященный в рыцари, будто у него отыскивали книгу черных заклятий. Один утверждал, что книга называется «Химеронария», другой клялся, что сам видел ее и успел прочесть название «Слова Теней» на обложке. Командование гарнизона всячески пресекало подобные разговоры – дело доходило даже до телесных наказаний – но по-настоящему повлиять на ситуацию оказалось не в состоянии. Слухи продолжали множиться. Разумеется, наименее суеверные, вроде меня и Берграна, или добродушные весельчаки, вроде Джарры, мало обращали на них внимания. Однако, как теперь выяснялось, зря.

- Что? – переспросил Бергран. – Химера?

Джарра кивнул и указал рукой в пол:

- Там. Внизу...

Вдруг вновь прозвучал крик, очень близко, прямо под нами. Высокий, явно женский, он состоял лишь из боли и страха, скрученных в плотный, рвущий уши канат предсмертной агонии.

- Боги! – простонал еле слышно Джарра. – Они же убьют ее... мою крошку.

Итак, он действительно привел в Башию девушку. Но вместо страстной ночи любви их ожидало нечто поистине ужасное.

- Жди здесь! – прошептал Бергран, и я понял, что он собирается спуститься за ней. Мне ничего не оставалось, кроме как идти за ним. С неизбывным стыдом вспоминаю тот момент колебания, то краткое мгновение в темном складе, когда я взвешивал, стоит ли мне последовать за своим товарищем или лучше вернуться на верхние этажи за помощью. Второй вариант представлялся наиболее разумным, но в таком случае несчастная девушка точно была бы обречена. Мне никогда не забыть тех нескольких секунд, не забыть взглядов моих друзей, их лиц, освобожденных из мрака светом факелов. Никогда не забыть холодного пота, лившегося по моей спине. Легко быть храбрым, стоя в строю соратников, видя привычного врага далеко впереди. Совсем иное – столкнуться с тем, о чем не имеешь ни малейшего представления. И по сей день я каждое утро спрашиваю себя, правильное ли решение тогда принял.

- Пошли! – рявкнул я, нащупывая на перевязи рукоять палицы. – Быстрее!

Бергран хлопнул Джарру по плечу, и мы направились к спуску. Здесь им служил широкий люк в полу, ведущий на нижний, полуподвальный уровень склада. Я откинул его в сторону, открыв пыльную деревянную лестницу, уходящую в густую тьму. От одного ее вида душу сковывал безжалостный арганайский мороз. Что бы ни скрывалось там, внизу, мы со своими факелами будем представлять для него идеальную мишень, в то время как сами станем тыкаться из стороны в сторону, словно слепые котята.

- Ну, - повернулся ко мне Бергран, доставая булаву. – Воля Ушедших с нами!

Он пошел первым. Я все-таки последовал за ним, чувствуя себя невероятно уязвимым и беззащитным, обнаженным младенцем среди голодных волков.

Факелы не помогали. От них вообще не было никакой пользы. Огонь просто горел, но не мог рассеять темноту вокруг. Ни на палец, ни на полпальца. Я не видел товарища, не видел собственных рук, не видел ничего, кроме пламени, однако погасить его не решился – остаться лицом к лицу с окружающей чернотой было выше моих сил.

Что-то двигалось рядом. Неслышное, невесомое, оно выдавало себя только легкими движениями воздуха. Я пару раз взмахнул булавой, надеясь попасть в это существо, но оружие рассекало лишь пустоту.

- Темно, как в Заровой подмышке, - прошептал впереди Бергран. Или не впереди. Сзади? Откуда донесся его голос? Я понял, что уже некоторое время не вижу огня его факела, понял, что давно потерял чувство направления, и солнечное сплетение мое начало превращаться в котел бурлящей паники.

- Берг? – окликнул я его шепотом. – Берг, ты где?

Нет ответа. Тьма была полна угроз, смертельных опасностей. Моя гибель подошла вплотную, подобралась незамеченной, и теперь нависала надо мной, готовая обрушиться, смять меня, раздавить, поглотить совершенно бесшумно. Всею поверхностью своего тела я чувствовал взгляд. Взгляды. Злые. Пустые. Голодные. Я ощущал движение за своей спиной, впереди, по бокам. Они были повсюду. Я уже открыл рот, чтобы позвать Берга еще раз, но тут факел погас.

И сразу - каким-то странным, до сих пор непонятным способом – мне удалось увидеть их. Как только пламя умерло, тьма вокруг стала проницаемой для моих глаз. Подвал был полон людей. Черные рясы, глубокие капюшоны, скрывающие лица – никого из них не удалось узнать. Они стояли в два ряда, образуя неширокий коридор, ведущий от меня к дальнему углу помещения. И там...

Даже описывать это невероятно тяжело. Пальцы начинают дрожать, а в горле пересыхает. Не знаю, каким чудом мне тогда удалось уцелеть. Возможно, они специально

оставили меня в живых, чтобы было кому поведать об ужасной истине, таящейся по другую сторону мироздания.

В дальнем углу стоял на коленях Бергран. А над ним возвышалось существо, которое я всеми силами старался забыть на протяжении многих лет, прошедших с тех пор. Я топил воспоминания в вине, пытался уничтожить их с помощью особых составов и смесей, однако они и по сей день остаются столь же живыми и яркими, словно все произошло только вчера. Словно кошмар окончился лишь сегодня утром.

Это было нечто среднее между женщиной и змеей. Раздувшееся, невероятно удлинившееся тело покрывала синеватая пятнистая чешуя, тонкие руки, тянувшиеся к горлу Берграна, извивались, будто были лишены костей, а лицо... ох, Ушедшие Боги, каждый день я мечтаю о том, чтобы тогда мне не хватило храбрости увидеть его, чтобы душа моя сломалась мгновением раньше, чтобы я повернулся и бросился бежать прежде, чем успел рассмотреть эти ужасные черты. Лицо еще искажала предсмертная агония несчастной девушки, чье тело использовала темная богиня для воплощения, и сквозь эту агонию проступали новые, нечеловеческие черты. Рот слился с носом, превратившись в уродливую пасть, полную острых, тонких, как иглы, клыков, с которых тягучими струйками сочилась бледная жидкость. Глаза, круглые черные ямы, бездонные колодцы, окруженные сеткой черных трещин, безмолвно приказывали мне замереть, застыть на месте, покорно ждать неминуемой, мучительной смерти.

Еще секунда, еще одно короткое мгновение – и я бы повиновался. Но тут последние обрывки храбрости сдул ледяной ветер страха, ноги сами понесли меня прочь, назад, вверх по лестнице. Ни один из стоявших сектантов не попытался помешать мне, они лишь провожали меня насмешливыми взглядами из-под низко надвинутых капюшонов. Не помню, кричал я или нет, не помню, видел ли наверху Джарру, не помню, как добрался до своей кельи и забаррикадировал дверь с помощью кровати и шкафа. Первое, что всплывает в сознании: я сижу на подоконнике, готовый броситься вниз, если она войдет в келью – в том, что моя баррикада не сможет остановить ее, я не сомневался ни секунды. Сижу на подоконнике и вижу, как поднимается на востоке солнце. Помню надежду, которую зажгли в моем сердце его лучи. Откуда мне было знать, что настоящий кошмар еще только начинается...»

из книги «Орден во Тьме»
сэр Игвар Лихая Стрела,
364 год до Последнего Мора

Следом автор подробно описывает свои дальнейшие злоключения. Утром он отправился к командиру гарнизона Заставы, требуя обыскать нижние уровни, утверждая, что его друзья пропали. Несколько человек спустились в подвал, но не нашли ничего подозрительного. Стали выяснять, кто именно исчез – и выяснилось, что ни человек по имени Бергран, ни человек по имени Джарра никогда не служили на этой Заставе. Выяснилось, что никто не слышал ни подозрительных звуков, ни криков, ни шагов. Сэр Игвар был вынужден покинуть Заставу и вскоре уволился со службы «по состоянию здоровья» - врачи Ордена пришли к выводу, будто у него случилось серьезное помутнение рассудка, вызванное постоянным напряжением. Официальное заключение гласит, что рыцарь страдал от «длительных, изматывающих видений» и не мог продолжать выполнение воинского долга. Сэр Игвар не отказался от своих «видений» и продолжал поиски истины. Его мемуары содержат немало интересных выводов о том, насколько глубоко «яд Химеры» проник в Орден. К чему это привело в итоге, я уже упоминал.

Кстати, о ядах. В то же самое время начинается сотрудничество Паладинов с Братством Алхимиков. Наши лекарственные порошки, помноженные на целительную силу рыцарей, давали по-настоящему удивительный эффект. Вкупе с возможностью воскрешения они сделали Орден невероятно могущественной организацией. В те семьдесят-восемьдесят лет, что оставались до Краха Паладинов, они поднялись над Тремя Королями и самыми влиятельными баронами, заполучили огромные земельные наделы. Черная магия поднимала из земли мертвецов, способных сражаться без усталости и страха, не требуя платы или еды. Абсолютная власть развратила благородных рыцарей очень быстро – всего за два поколения они из защитников превратились в угнетателей. О да, их отряды по-прежнему патрулировали западные рубежи Фархейма, отгоняя зеленокожих, на башнях Застав по-прежнему горели сигнальные костры. Но теперь Погонщики Теней защищали от орков себя и свою собственность.

Их крах был быстрым и неожиданным. Однажды заклятие, поднимающее умерших, просто перестало работать. Скрыть это оказалось невозможно, и народ вскоре поднялся против колдунов. У рыцарей хватало искусных бойцов, чтобы одолеть ополчения и без помощи волшебства, но владыки Трех Королевств поддержали своих подданных: против Магистров выступили войска. Золотые Батальоны Крулльхольма, Багряные Панцири Стогворда, Серебряные Топоры Нидгарда. Даже вольный город Иснар прислал объединенным армиям в подмогу несколько отрядов собственной гвардии.

Погонщики растеряли не все свои умения. Им удалось распространить среди наступающих войск чуму, а также убить несколько высокопоставленных полководцев, прокравшись под прикрытием теней в лагерь. Но серьезно повлиять на исход противостояния они уже не смогли. Секта была повержена, большинство ее членов убито, а захваченных в плен вскоре начали жечь на кострах. Опухоль удалили, но организм при этом едва не погиб – Ордену Паладинов потребовалось целых двести лет, чтобы оправиться от потрясения. Только успешная война с Орочьим Каганатом вернула ему былую славу.

Впрочем, Химера не является собой чистое зло. Она, скорее, персонифицирует возможность. Она берет за руку и ведет на перекресток, где каждому нужно выбирать собственную дорогу. Если Сай'Джари – белая госпожа, светлая сторона Луны, то Химера – темная сторона. Но на самом деле между сторонами Луны нет никакого отличия. Разница – в глазах смотрящего. И кроме мрачных Погонщиков у Химеры есть и другие последователи.

Например, наше Братство. Это страшная тайна, но, думаю, сейчас, когда мир пожирает огонь Мора Безумия, секреты уже не имеют значения. Алхимики всегда считали Химеру своей покровительницей, дарующей новые открытия, направляющей пытливого разум исследователя по нужной стезе. Вот почему василиск играет такую важную роль в символике Братства, вот почему никому и никогда не удавалось взять штурмом ни одну из наших Цитаделей. Вот почему старейшины алхимиков никогда не показывались на людях иначе как в широких робах – такое одеяние позволяет легко скрыть синюю чешую, которой порастают их плечи и спины. Однако, служим ли мы злу? Вряд ли.

Мы сохраняем знания и добываем новые. Мы варим яды и готовим исцеляющие зелья. Мы создаем порох и горючие смеси, но мы же снабжаем рыцарей порошками, заживляющими раны. Вслед за своей владычицей, мы не встаем ни на чью сторону, лишь даем вам ключи. От любых дверей. Сквозь какую из них идти – выбор за вами.

ЧАСТЬ VI. КРОМ (*New*)

Торгорский Кряж – грозное и опасное место. Слабым телом и духом здесь нечего делать. Серые скалы, серые тучи, серый промозглый туман. К острым камням, облепленным сизым мхом, цепляются корявые корни сосен. Едва заметные тропки вьются среди валунов, уходя все выше в горы, ползут по краям бездонных провалов, ныряют в мертвые пасти давно заброшенных шахт. Снег скрывает расселины и трещины, терпеливо поджидающие невнимательных путников. Холод и пустота безраздельно царствуют здесь, и обитатели этих мест – низкорослые, коренастые гномы – вполне соответствуют своей мрачной родине: неуловимые, словно ледяные северные ветра, и выносливые, словно скалистые утесы. Их боги – облаченные в гранит предки, давно покинувшие мир живых, но навсегда оставившие в нем свой след. Их покровитель – легендарный Кром, первый гном, родившийся из раскаленной лавы подземного озера Торгор многие столетия назад.

О Кроме ходит огромное количество слухов, сказок и преданий. Говорят, будто он единственный из первопредков, кто способен обращаться в камень и обратно по собственному желанию. Недаром в Зале Гранитных Предков нет изваяний Праотца – его изображения издревле считались в Глубинной Империи ересью и кощунством. Говорят, будто веками странствовал он в безднах, недоступных познанию смертных, набираясь великих, страшных знаний. Говорят, будто разум его столь громаден, что любая беседа с ним грозит дерзнувшему безумием. Говорят, будто ему удалось построить безотходный самогонный аппарат, оснащенный вечным двигателем и производящий пойло, способное выжечь даже гранитную глотку.

Кстати, некоторые гномьи манускрипты (в основном, созданные на западе Торгорского Кряжа) содержат несколько отличное написание имени божества: Кромм. Никто никогда не проводил исследований на эту тему, а потому я не могу объяснить причину таких различий. Скорее всего, они чисто языковые и не несут никакой особой смысловой нагрузки. Так что не смущайтесь, встретив в каком-либо трактате такое имя – будьте уверены, речь идет о том самом Кроме, властелине подгорных пустот.

У людей немного иные представления о главном божестве северных соседей. В сказаниях и байках королевств Фархейма Кром часто предстает в виде недоброго, хитрого дедушки, курящего базальтовую трубку и охраняющего несметные подземные сокровища. Герои этих историй, обычно придурковатые деревенские парни или наивные молодые рыцари, чаще всего разрушают козни гномьего бога с помощью миловидной колдуньи (в большинстве случаев, рыжеволосой и зеленоглазой) и завладевают кладом, после чего либо живут долго и счастливо, либо отправляются дальше в поисках новых приключений и подвигов.

Поскольку достоверных сведений о Кроме у нас не так уж и много, в основном приходится полагаться именно на подобные образчики народного творчества. Лично я думаю, что в этом есть рациональное зерно: о легендарной фигуре лучше, чем в легендах, не поведать. Посему и предлагаю вашему вниманию историю о Кроме. Где в ней правда, а где вымысел, каждому читателю решать самому. Итак, гномья сказка о трех братьях-рудокопах и одном таинственном заведении.

ТАВЕРНА «У ГРАНИТНОГО ОТЦА»

Это очень давняя история. Я услышал ее от Асвальда по прозвищу Седая Кирка, а тот – от своего деда, Фрейвара Гранитное Копье, которому, в свою очередь, ее поведал сам Орм

Змеежуй. За все эти годы в ней не поменяли ни единого слова, и я тоже не нарушу традиций: как услышал, так и расскажу.

Была когда-то на северных склонах, возле Кривой Горы, кристальная шахта. Прозывалась она Охотничья или Волчья. Причина тому вполне очевидна: бегало вокруг немало серых хищников, и рудокопы не рисковали подниматься на поверхность по одиночке и без тщательно заряженных самопалов. В одной из смен трудились там трое братьев: бесстрашный Скегги, болтливый Снорри и ленивый Сверре. Жили они неподалеку, в пещерах под Кривой Горой, в стороне от железнодорожных путей и основных тоннелей, и места эти знали, как свои пять пальцев. Не было у них ни жен, ни детей, и после работы чаще всего направлялись они в таверну «Кислый боров» на другой стороне горы, пили терпкий эль, распевали песни, да хвастались добычей, как то и приличествует молодым рудокопам. По совести говоря, хвастался в основном Снорри, песни пел Скегги, а на пиво и мясо за всех троих налегал толстый Сверре. Любили они ту таверну, но вот однажды, придя после смены, нашли на ее месте лишь кучу углей да хозяина в слезах: от неосторожной искры сгорел «Кислый боров» дотла. Сгорел вместе с бочками, полными солонины и эля, вместе с неспетыми песнями и нерассказанными байками. Чтоб хоть немного утешить и поддержать хозяина, отдали сердобольные братья ему свой заработок за смену, а сами двинулись в обратный путь, сетуя на несправедливую судьбу, лишившую их выпивки и веселья. Невдомек им было, что судьба, обидевшись на злые слова, вот-вот обрушит на них новые испытания.

Погода в районе Кривой Горы всегда отличалась странной переменчивостью, а потому братья-рудокопы ничуть не удивились налетевшему вдруг холодному ветру. Но вскоре ветер этот принес снег, и через полчаса вокруг уже бушевала самая настоящая метель, в которой не различить ничего даже на шаг вперед. Кутаясь в плащи, медленно двигались гномы по горному склону. В горах подобную бурю лучше переждать – иначе можно запросто рухнуть в расселину, попасть под обвал или лавину. Братья прекрасно знали об этом, но куда было им податься в разошедшейся непогоде, а оставшись на месте, они бы наверняка замерзли насмерть.

И вот идут трое гномов, стуча зубами от холода, медленно, шаг за шагом, осторожно ощупывая дорогу перед собой, как вдруг один из них, Снорри, и говорит:

- Кажется мне, мелькнул впереди огонек.
- Показалось, - отвечает Скегги. – В этих краях никто не живет.

Пошли они дальше в молчании. Но всего через несколько шагов Снорри опять говорит:

- Да вот же! Окошко освещенное мелькнуло. Чуть в стороне.
- Не может быть, - отвечает Скегги. – Это склон Кривой Горы. Тут отродясь никто не жил.

Продолжили гномы путь. Но вдруг хватает Снорри брата за локоть и куда-то в снежную мглу указывает.

- Смотри! – говорит. – Смотри внимательно!

Пригляделся Скегги – и правда, будто бы окошко во тьме светится. Повел он братьев за собой в ту сторону, и скоро вышли они к приземистому дому из темных, замиелых бревен, стоящему на каменистом склоне. Над входом увидели вывеску: «У Гранитного Отца».

- Странно, - сказал Скегги. – Что-то я не припоминаю здесь этой таверны.
- И я, - согласился Снорре. – Сколько мимо ходили, ни разу на глаза не попадалась.
- Да какая разница, - лениво пробурчал Сверре. – Айда внутрь!

И действительно, делать было нечего: буря только усиливалась, и хотя в карманах у братьев не оставалось ни одного медяка, они решили зайти – хотя бы погреться у очага.

Скегги распахнул дверь и первым шагнул через порог. Внутри таверна выглядела как и все остальные: досчатый пол, грубо сколоченные столы, кабаньи и медвежьи шкуры на лавках, топоры, ружья и пилы на стенах, связки лука под закопченным потолком. В огромном каменном очаге жарко пылал огонь и на вертеле поджаривался, истекая жиром, поросенок. Здесь не оказалось ни одного посетителя, и только хозяин, массивный толстый гном с длиннющей седой бородой, заплетенной в три косы, сидел в своем углу с огромной глиняной кружкой в руках.

- Приветствую! – воскликнул он, увидев вошедших. – Будьте как дома!

- И тебе привет, трактирищик! – поздоровался Снорре. – Да только зашли мы лишь переждать буран. Не на что нам купить ни яств твоих, ни выпивки.

Махнул рукой хозяин, отхлебнул из кружки, молвил:

- В бездну деньги! Кто я буду, ежели не угощу трех добрых братьев-рудокопов. Садитесь ближе к очагу, согрейтесь. Сейчас подам эль, а там и поросенок поспеет.

Уселись братья, удивленные и обрадованные столь радушиным приемом. Только смотрят: не спешит хозяин за элем идти, сидит себе, из кружки прихлебывает, да на гостей хитро поглядывает. Прошло так некоторое время, наконец Снорре не выдержал молчания и говорит:

- А что, хозяин, вкусно ли у тебя пиво?

- Не жалеюсь, - отвечает тот. – Вы сами попробуйте, чего спрашивать-то!

И вдруг видят братья: перед каждым из них стоит кружка, до краев наполненная элем. Чудо, не иначе. Самое настоящее волшебство. Сверре сразу принялся пить, а Скегги, восплавав гневом к колдуну, вздумавшему над ними насмехаться, сорвался было с места, готовый кулаками наказать обидчика, да только Снорре вовремя поймал его за рукав.

- Вспомни, - говорит. – Как таверна называется!

Лишь тут и смекнул Скегги, к кому в гости попали они. Уселся на лавку, принялся пить, не поднимая глаз, сгорая от стыда за вспышку гнева. Эль оказался прекрасным – в жизни не доводилось им пробовать такого. Да и никому из гномов, наверное, не доводилось. Даже члены Конклава Гильдий отродясь не пивали такого эля. А самое-то странное вот что: пил он много, большими глотками, но дна у кружки так и не увидел. И стоило отставить ее на миг в сторону, как она тут же снова наполнялась до краев ароматным пенным напитком.

А на столе появлялись все новые блюда: жареный поросенок с яблоками, большой котел лукового супа, грибное рагу и прочие вкусности, от одного запаха которых у братьев кружились головы. Впрочем, может, эль тоже был в этом виноват.

Как насытились они, подошел к ним хозяин, сел рядом и говорит:

- Ну а теперь слушайте.

Оробели братья, даже Снорре примолк.

- Сюда не попадают просто так. Каждый, кто переступил порог моей таверны, либо одолеет меня в противоборстве, либо останется здесь навсегда и будет ухаживать за пивоварней в подвале! – говорит хозяин и указывает на крышку огромного люка в полу.

Сковал гномов страх. Даже сквозь хмель поняли они, в какой опасности оказались. С Гранитным Отцом шутки плохи.

- Что за противоборство? – спросил Снорре.

- Да любое! – усмехнулся хозяин. – Сами выбирайте, в чем вы сильны.

Задумались гномы, закручинились. Но делать нечего, нужно действовать. Первым решился, разумеется, Скегги.

- Я выбрал! - говорит. – Будем в меткости состязаться.

- Добро, - отвечает хозяин. – Выбирай оружие, выбирай цель.

Прошел Скегги вдоль аркебуз, висящих на стене. Сам он был хорошим стрелком и неплохо разбирался в ружьях, а потому не мог не удивиться разнообразию коллекции. Были здесь и мушкеты, и подгорные самопалы, и кремниевые, и фитильные, и даже ручные мортиры. Взял Скегги одну, прежде невиданную, с длинными стволами и золоченой гравировкой.

- Прекрасный выбор, - одобрил хозяин. - Это моя гордость. Лучше аркебузы не сыщешь во всем мире. По мощи и дальноточности нет ей равных.

Зарядил Скегги оружие, осмотрелся в поисках цели. Распахнул окно, взгляделся в бушующую метель.

- Там, - говорит. - Стоит сосна. У нее дупло, а в дупле белка орехи запасла. Вот один из орехов я и сишбу, остальные не задев.

Долго прицеливался он. Темнота и страшный ветер очень мешали, но в конце концов выстрелил Скегги. Хозяин встал рядом, всмотрелся в буран, сказал:

- Отличный выстрел. Попал ты точно в один из орехов и расколол его надвое. Но теперь моя очередь.

Взял он ту же аркебузу и, не прицеливаясь, выстрелил.

- Сейчас, - говорит. - Подождите немного.

Через минуту запрыгнула на окно белка, принесла в лапках две половинки расколотого ореха, вновь соединенные второй попавшей в них пулей. Понял Скегги, что такого ему не повторить и не переплюнуть, признал свое поражение, направился понуро к люку.

- Погоди в подпол лезть, - остановил его хозяин. - Братьев дождись.

Вторым вызвался Снорре.

- В загадки сыграем! - говорит.

- Хорошо, - молвит хозяин, хитро улыбается, из кружки прихлебывает. - Загадывай.

Подумал немного гном, вспомнил сложную загадку:

- Всю жизнь в сапогах, да шляпой пыль собирает.

- Ерунда, - отмахнулся хозяин. - Старье. Это гвоздь. А вот теперь мою слушай: что ты найдешь, ежели сделаешь от входа три шага влево, да пять взмахов руками?

Долго ломал голову гном. Бормотал что-то про себя, вымеривал шаги, махал руками, да только ничего не сообразил. Помотал грустно головой и к люку пошел.

- Обожди, - сказал хозяин. - Последнего дождитесь.

Повернулся он к Сверре, спрашивает:

- Ну а с тобой в чем соревноваться будем?

- В лени, - отвечает тот. - В лени-матушке.

- Это как?

Вместо ответа Сверре только плечами пожал, хлебнул еще эля, вытянулся на лавке и захрапел как ни в чем не бывало. Хозяин посидел немного, а потом треснул кружкой по столу и расхохотался во все горло.

- Ну удивил! Такого со мной еще не бывало! - воскликнул он потом. - Признаю, здесь я не силен и не могу тягаться с такими искусными мастерами.

Он разбудил Сверре и говорит:

- Ты меня победил, а заодно и повеселил. Выбирай, что ты хочешь!

- Еще бы часок поспать, - отвечает Сверре.

Снова расхохотался хозяин, а потом протянул гному свою кружку:

- Ты меня одолел в честном поединке. Забирай. Когда бы ты ни испытывал жажды, она всегда будет до краев полна темным, светлым или смоляным элем - по твоему желанию. Братья твои тоже свободны. На самом деле, моей пивоварне не нужны никакие работники, но уж больно хотелось мне над вами подшутить.

Скегги даровал он ту самую аркебузу:

- Она никогда не подведет тебя, никогда не заклинит и не даст осечки.

А третьему брату хозяин сказал:

- Твоя награда – ответ на загадку, что я тебе задал. Спустись в шахту, и там решишь ее.

С этими словами хозяин открыл дверь, за которой лежала спокойная, мирная ночь, и даже небо над Кривой Горой в кои-то веки было чистым и сверкало тысячами звезд.

- Прощайте, дети мои. Пусть мои дары облегчат ваши дни!

Поблагодарили изумленные братья Гранитного Отца, вышли наружу, побрели вниз по склону, а когда через сотню шагов Скегги осмелился обернуться, таверны уже и след простыл. Только голые холодные камни лежали вокруг. Камни, на которых никто и никогда не строил деревянных домов.

Благополучно вернулись они в свое жилище, а чуть свет направились в шахту. Стоило Снорре войти внутрь, как тут же догадался он, что означали слова, сказанные прошлой ночью. Схватив кирку, сделал гном три шага влево от входа в забой и пять раз ударил киркой в скалу. Откололся огромный кусок камня, обнажив свежую и изобильную кристальную жилу. В одночасье братья сказочно разбогатели, и жизнь их резко изменилась.

Скегги справил себе отличные доспехи, отправился на южные отроги, сражаться с орками. Он снискал славу великолепного бойца и непревзойденного снайпера. Ни один враг не мог уклониться от выстрелов его аркебузы.

Снорре выкупил Волчью шахту, женился и вскоре стал заметным, значительным членом общества. Через несколько лет он возглавил Гильдию Рудокопов, выступал ее представителем в Конклаве и многого добился благодаря своему острому языку.

Сверре заново выстроил «Кислый боров», взял в управляющие прежнего хозяина, возложил на него все обязанности, а сам целыми днями сидел у камина, попивая эль из своей особенной кружки. Он сильно растолстел и потому пользовался непреходящим уважением среди всех местных жителей.

Вот такая история. Орм Змеежуй клялся, что все это чистая правда. И у меня нет оснований ему не верить.

Взято из книги «Горные Сказки»

автор: Фродди Базальтопузый

117 год до Последнего Мора

Замечательный образчик, не так ли? Во-первых, сразу понятно, какие качества гномы ценят превыше всего. А во-вторых, события описаны настолько живо и ярко, что воображение без труда рисует и угрюмые горные пейзажи, и сумрачные фигуры рудокопов, и загадочную таверну в склоне горы. Про ее хозяина даже говорить нечего – мощный образ. Хотя, естественно, нельзя считать его достоверным: все-таки, перед нами народное творчество, и зерно истины, каким бы могучим оно ни было, может затеряться под наслоениями безобидных выдумок. Тем не менее, вряд ли кто-то знает Крома лучше, чем гномы. Здесь явно ощущается его превосходство над смертными, его великая сила и разум, отточенный тысячелетиями размышлений. В историях, сочиненных людьми, эти черты теряются практически полностью, уступая место типичным характеристикам горного духа – не злого, но определенно недружелюбного. Что ж, вполне очевидно: жители людских королевств побаивались могучего горного владыку. Открытой вражды к нему не питали, но лишний раз старались не беспокоить. Несмотря на все насмешки над боролатыми северянами, человечество издревле испытывало благоговейный трепет перед инженерным

гением гномов, и Кром, величайший изобретатель всех времен, пользовался среди людей заслуженным уважением. Особенно – среди алхимиков, чье стремление к познанию и созиданию нового может сравниться лишь с тягой к уединению и замкнутости. Кром всегда был объектом пристального интереса Братства: в наших библиотеках собрана самая объемная коллекция его изображений и описаний. Чаще всего они противоречат друг другу, но при внимательном изучении можно выделить некие общие черты, и составить из них более или менее правдоподобный портрет Гранитного Отца.

Получится чересчур полный гном, остроумный, циничный и, подобно большинству его потомков, отличающийся излишним интересом к хмельным напиткам. Однако наиболее выдающейся чертой Крома является его эксцентричность. В одежде и поведении это древнее существо постоянно нарушает любые нормы и правила. Оно может являться в пестром кружевном камзоле, с завитыми, напомаженными волосами и тщательно напудренным лицом, а может – в толстой шипастой броне и тяжелом шлеме со сплошным забралом, вооруженное огромным пневматическим молотом по имени «Долбодробь». Оно может накрасить губы и нацепить очки в золоченой оправе, а может надеть железную маску, утыканную ржавыми гвоздями. Ему ничего не стоит вызвать простого гнома на дуэль и с треском проиграть ее, ему по плечу выпить дюжину бочонков эля и после этого без единой запинки исполнить традиционную подгорную песню «Эх, киркой махнем». Можно без всяких преувеличений сказать, что Кром – живое, стихийное, непредсказуемое воплощение внешнего Хаоса. Между прочим, это вполне логично – ведь, по слухам, он родился именно там, где темный бог Кайракс вершил черное, уродливое колдовство, пытаясь создать собственную расу живых существ. Хаос, пропитавший сознание безумного бога, наполнил расплавленный камень в сердце гор небывалыми силами и возможностями. Много позже, через столетия после ухода и гибели Кайракса, эти силы разбудили в раскаленной лаве жизнь, образовали великолепный, алмазно-чистый разум. Как ни странно, это уникальное порождение Хаоса несло в себе лишь созидательное начало, ту отчаянную искру творения, что всегда разгорается посреди абсолютной тьмы.

Но довольно поэзии, вернемся к основной теме. Остальные народы нашего мира относятся к праотцу гномов без какой-либо симпатии. Эльфы всегда презирали его, называли «выдумкой», «глиняным пугалом», «северным фокусником». Отвращение магов к прародителю технологий столь сильно, что у них нет о нем историй и сказаний – то ли в великой гордыне своей считали недостойным внимания, то ли специально замалчивали. Орки же хозяина гор ненавидели и уважали. Так, как только безжалостные варвары способны уважать серьезного, опасного противника. И среди кочевых племен Карраз-Гула о нем ходит немало легенд. Приведу ниже одну из них.

ВОИН И КРОМ-ХРЕБТОЛОМ

Отправилось одно племя в набег на северные горы. Все удачно спланировали, напали ранним утром, едва-едва начало светать. Окружили гномью крепость, быстро ворвались внутрь, всех порубили – коротышки даже самострелы свои похватать не успели. Хорошая вышла битва, слава Зару! Немало тогда бородатых голов привезли батыры в становище. Но речь не об этом. Один молодой батыр, звали его Хыр-Грах, заметил богато одетого гнома и погнался за ним. А тот юркнул в какую-то нору и ну петлять по лабиринтам. Но воин не отстает, куда уж недоростку сбежать от истинного сына степей! Загнал Хыр-Грах гнома в тупик – в большую пещеру, посреди которой стоял огромный, окованный медью сундук с тремя тяжелыми замками.

Карла на колени рухнул, стал о пощаде молить, да только батырам жалость неведома. Схватил Хыр-Граха гнома за бороду да одним молодецким ударом снес ему голову с плеч. Настоящий потомок Зара, славься он во веки веков!

Голову на пояс повесил, тело обыскал, подошел к сундуку. Попробовал поднять – нет, тяжел. Тогда не стал молодой батыр раздумывать, три раза ударил топором, три замка срубил один за другим. Крышка тут же открылась, и изнутри поднялся Кром-Хребтолом, великий гномий бог и колдун. Росту он громадного, животом поперек себя шире, изо рта зубы в разные стороны торчат, уши на плечи свисают, из носа дым валит.

- Ах ты! – гремит он. – Червь степной. Да я тебя растопчу!

Но не таков Хыр-Граха, храбрый сын степей. Что ему страшиться гномьих покровителей, его руку сам Владыка Войны направляет. Наполнился он истовой, гремучей яростью и кричит:

- Не бахвалься, ты, Каменный Бог! А иди сюда и померься со мною силами!

Выскочил Кром-Хребтолом из сундука. Ноги у него козлиные, позади хвост лошадиный болтается. Набросилось чудище на батыра, одним ударом выбило у него топор. Пришлось Хыр-Грахе полагаться только на свои руки. Сошлись они в смертельной схватке. Кром-Хребтолом пасть разевает, выпускает расстроенный свой язык, глазами вращает бешено, ревет, как буйвол. Да только не страшится этого молодой воин: знает он, что впереди его ждет славный пир в Костяном Шатре. Да и сам он не прочь пореветь и поразевать пасть. Две равных силы сошлись в бою. Борются час, борются второй, ни один одолеть не может. Начали силы покидать отважного Хыр-Граха. Тогда он изловчился и пнул чудище ногой – попал точно в колено. Славься Зар, научивший орков этому приему! Пошатнулся Кром-Хребтолом, а батыру только того и надо: налетел на него, толкнул из последних сил и свалил гномьего бога обратно в сундук. Пока тот внутри барахтался, захлопнул крышку, да в петлю затолкал древко своего топора.

Побежал Хыр-Граха назад. Долго плутал по коридорам, но все-таки вышел к своим. Соплеменники уж было решили, что погиб их отважный соратник. Вход в тот лабиринт завалили камнями и залили смолой, а потом сразу отправились в обратный путь, быстрее в родную степь, чтобы избежать гнева и подлых заклятий Крома-Хребтолома – на ровной земле нет у него силы. Отправляясь в горы, всегда остерегайтесь козней гномьего бога, пусть и не чета он Хозяину Костяного Шатра. Слава Зару!

из книги «Орочьи Басни»
записано братом Нелсом
в 202 году до Последнего Мора

Что ж, все действительно по-орочьи: кратко, емко и грубо. Клыки, мускулы и жестокая, добротная драка. Другого от зеленокожих дикарей ожидать не стоит.

Как бы то ни было, несмотря на обилие разнообразных легенд, Кром остается одним из самых загадочных «новых богов». Цели и устремления его не ясны (я склонен полагать, что у него, подобно остальным порождениям Хаоса, нет и не может быть определенных целей, но такую точку зрения разделяют далеко не все мои ученые собратья), места его обитания неизвестны, о его времяпрепровождении ходят лишь смутные слухи. По одному из них, Кром в течение последних пятисот лет спит в толще камня в глубине гор. Другие источники утверждают, будто он продолжает прокладывать тоннели под Торгорским Кряжем, или создает армию механических воинов дабы с ее помощью покорить мир. Чаще всего, однако, встречаются истории о том, что Кром уединился в огромной подземной пивоварне и век за

веком работает над рецептом особого пенного напитка, которому предстоит стать величайшим достижением разума во вселенной. Но наиболее правдоподобная и интересная, на мой взгляд, версия гласит, что Гранитный Отец оборудовал себе тайную мастерскую неподалеку от Кривой Горы и клепает в ней всяческие диковины, опасные и странные механизмы, созданные на стыке технологии и магии. Недаром у гномов регулярно появляются новые боевые машины и приспособления, принцип действия которых нельзя объяснить простым сочетанием шестеренок и противовесов. Кром, пусть и вполглаза, но постоянно приглядывает за своими многочисленными, вездесущими и безалаберными потомками.

ПИВНЫЕ СЕКРЕТЫ ГНОМОВ

Настоящее количество сортов пива, производимого в Торгорском Кряже, не поддается исчислению. Недаром среди подгорных жителей бытует поговорка «В чужую пещеру со своим элем не лезь» - в каждом тоннеле здесь варят свой собственный хмельной напиток и страшно гордятся им, даже если от одного его аромата на глаза наворачиваются слезы.

Поэтому ниже перечислены только самые известные (и относительно безвредные для здоровья) сорта.

Сорт «Поющая Руда»

Светлое, легкое пиво с обильной пеной и весьма необычным эффектом. После третьей или четвертой кружки (в зависимости от массы тела) возникает непреодолимое желание петь. Причем, петь не что-нибудь, а одну вполне конкретную песню — гимн торгорских рудокопов «Эх, киркой махнем». Этот сорт пользовался непреходящей популярностью во всех питейных заведениях Подгорной Империи: дружные компании бородатых трудяг, вернувшись из очередной тяжелой смены в забое, рассаживались вдоль столов и принимались хором горланить:

*Эх, киркой махнем!
Да махнем еще!
Да еще махнем!
А потом опять!*

Каждый вечер Торгорский Кряж содрогался от дружного рева многих тысяч глоток. И самое главное: чтобы петь, вовсе не обязательно знать слова — они всплывут сами собой.

Международную известность сорт заработал в результате нелепого казуса. Контуженный случайным взрывом кладовщик перепутал этикетки, и бочка «Поющей Руды» отправилась в резиденцию Ордена Паладинов под видом «Львиной Гривы», любимого напитка Великого Магистра. Тот же решил откупорить бочку на торжественном приеме в честь очередной победы над орками. В результате вместо праздника цвет рыцарства шокировал своих жен, слуг и живших в округе крестьян: всю ночь стены пиршественного зала вибрировали от громогласного:

*Снова мы махнем!
Эх, уж как махнем!
Как махнем киркой!
А потом опять!*

К утру измотанные пением Паладины знали абсолютно все о принципах работы в гномьих рудниках. А вот рецепт «Поющей Руды» подгорные пивовары раскрывать отказались и до сих пор хранят его в секрете.

из книги «Обоьемся Под Горой»
издание второе, дополненное

Сорт «Роса Глубин»

Светлое, нефльтрованное, с добавлением спор серого лишайника, растущего на нижних уровнях подземелий. Почему-то считается, что употребление этих спор способствует улучшению работы мозга. Вероятно, именно здесь кроется причина популярности данного сорта среди разного рода изобретателей и ученых. Одно время Гильдии Мастеровых и Мудрецов расходовали «Росу Глубин» в невероятных количествах, более того, ввели суровые наказания и штрафы за невыполнение плана по распитию. Приходится признать, это дало определенные плоды: количество изобретений и прогнозов резко выросло. Однажды, после семи или восьми (некоторые утверждают, что двенадцати, но мы оставим это на их совести) кружек мастером Нордальфом были придуманы гномьи ходули — пневмоступы. Более того, сразу, без отрыва от выполнения плана, из ложек, штопора и оказавшейся под рукой ржавой пружины был изготовлен опытный образец, опробованный тут же, во время плясок на столе. Польза очевидна, ничего не скажешь!

Однако, при более вдумчивом изучении вопроса открывается и обратная сторона медали. Например, если взглянуть на список изобретений, то подавляющее большинство из них производят, мягко говоря, странное впечатление. «Блохограбли Механические Бесструктурные». «Раскриватор на Паровой Тяге». «Дробитель Спиральный Восьмиступенчатый». «Заземлец Противовесный Чтобы Сразу Раз и Ёлы-палы». Но наиболее загадочным представляется устройство под названием «Это Гениально». Оно официально зарегистрировано в общей гномьей «Переписи Механизмов» под порядковым номером 764-1, но вместо описания и схем на странице располагаются беспрерывно пересекающиеся кривые волнистые линии, а в центре беспорядочного клубка изображен ромб, нарисованный явно трясущейся рукой.

Если же вы отыщете в архивах Гильдии Мудрецов копии прогнозов, сделанных после распития «Росы Глубин», то вас наверняка ожидают еще более странные вещи. Вот, например, выдержка из одного подобного прогноза, выполненного аналитиком 3-го ранга Рунольвом Ужаснолобым:

Ожидают нас песни и пляски, и темная ночь, и сверху вниз наоборот. Когда падет звезда в трубу, когда настанет рассвет в своем истинном облике, когда терзаемый терзалом агнец принесет и произнесет, тогда и только тогда моя дражайшая жenuшка научится, наконец, жарить грибы. Во имя Гранитных Предков, готовьтесь к выходным, живите одним днем и пейте больше проточной воды. Ибо сказано в Сказании: тьма не вечна, можно и не успеть. Торопитесь, братья и сестры!

В течение нескольких поколений данный текст рассматривался как образец глубокомысленного прогноза, тщательной и вдумчивой аналитической работы. Было написано три или четыре монографии, по-своему толкующих положения, изложенные Рунольвом. Однако впоследствии, когда эффективность «Росы Глубин» оказалась под вопросом, популярность подобных опусов постепенно сошла на нет.

из трактата «Зелья Хмельные и Другие»

Сорт «Кроммова Радость»

Жуткое пойло, сваренное из подземных грибов, еловых ветвей, сухарей и гранитной пыли. Обладает приятным коричнево-зеленоватым цветом, тошнотворно-кислым запахом и совершенно невыносимым вкусом. Говорят, у поклонников сего напитка бороды покрываются плесенью, а затем обретают разум и начинают жить собственной жизнью. Известно несколько случаев, когда торговые сделки заключались именно бородами вместо упившихся в доску владельцев. Но наиболее широкий резонанс получил судебный процесс «Ингмар Кривоzub против Своих Бакенбард». После трагического окончания этого дела «Кроммову Радость» даже пытались запретить, однако нужные документы так и не были подписаны. Говорят, старейшину, продвигавшего запрет, нашли однажды утром в постели задушенным собственной бородой.

из доклада «Алкогномы — миф или реальность»

Сорт «Шахтерский темный»

(известен как «Зацепиво», «Торгорский темный», «Гномья Ночь», «Торгорский нектар»)

Несмотря на незамысловатое название, сей сорт считается наиболее ценным достижением многовековой истории гномьего пивоварения, более того — ее символом. «Шахтерским темным» гордилась вся Подгорная Империя, постоянно появлялось бесконечное количество новых его разновидностей и подвидов. Кабак, в котором не подавали этот напиток, был обречен на разорение, а гном, не употреблявший его, становился изгоем. Впрочем, таких вряд ли насчитывалось много: «Шахтерский» невозможно не любить.

Налью-ка, пожалуй, я себе еще кружечку, так рассказ польется лучше. Правильная мысль — о чем пишешь, то и пить. Эх... Пышная, чисто-белая пена, легкий аромат диких яблок, приятная кисловатая прохлада первого глотка. Сразу захотелось уйти в густую чащу, посмотреть на луну, посидеть у костра, слушая незатейливое бряцанье гитары менестреля. Хватит уже торчать в пыльной, душной башне, вокруг столько всего происходит. Весна медленно, но неизменно превращается в лето, и хочется проснуться с похмелья на лесной поляне, рядом с опрокинутым котелком и растоптанным кострищем, услышать пение птиц, ощутить легкое прикосновение ветра к своему лицу и, с трудом поднявшись, направиться к ближайшему ручью...

О чем это я? А! Вот так и действует «Шахтерский темный», вот поэтому он и популярен далеко за пределами Торгорского Кряжа, вот почему именно его требовали в качестве отступного вожди орочьих племен, грабивших южные заводы гномов. Ощущение небывалой свободы, правильный взгляд на вещи, осознание истинных ценностей. А между тем, пока я таскал перо от чернильницы до пергамента, кружка опустела. Налью еще одну. Никуда не уходите.

Итак, я снова здесь. Значит, шахтеры изобрели этот сорт давным-давно, никто уже точно и не знает, когда. Изобрели и изобрели, ну какая разница!? В самом деле, разве это важно, когда там они его изобрели! Вам важно? Мне — нет. Мне — абсолютно, совершенно наплевать. Ядрена кочерга, да мне вообще плевать, кто там, когда, чего и где! Говорят: напиши про пиво, про сорта, все дела. Проведи исследования... ага! Разогнался! Бегу, Бездну вам в хрючило! Пишу уже, вот. Пальцы болят, весь сижу в чернилах, спина сторбленная, под глазами мешки.

Одно хорошо в такой работе — крайне приятный объект исследования. Объект. Да. Все верно. Еще одну.

На с

мом деле междудумя этими стрчками в узкй палосе чистого пергамента скрывается немалая часть моей МОЕЙ жизни. И вы, читателе, никогда бы о ней не узнали, но я потрачу чернила, чтооообы рсказать. Значт, яне писал, я пил. Взял одну кружку, взялл другю сидел смоатрел в окно на небо, на горы и закат. Таккрассиво. Таккрассивоооо. Мне не хотело прдолжать работу. Но. Но. Пгдите, только допью.

Пршошлсь взть ишшооднуштобы не так скучно а вы ззнайти анекдо тапро бабушкуи дедулку штоб ани там хахахахахиленький анекдот знаю да ноа ведь какакая глубокая крушка штоб ее кака по щету аргус спаси меня от тако всякова в бочонке кажись ише нимного есть рианипа лншока ккпупил и о д к с ь л в ыц

из трактата «Зелья Хмельные и Другие»

Сорт «Драконьи Слезы»
(также известен как «Кружкоед»)

Крайне редкий, запрещенный, и потому очень знаменитый напиток. Изобретен случайно около четырех сотен лет назад Торстейном Одноглазым, небогатым пивоваром с Западных Отрогов. Тот удачно выдал страшенькую дочь замуж, а в честь этого решил сварганить новый, небывало крепкий эль. Заперевшись в своей пивоварне, Торстейн принялся экспериментировать: для изготовления сусла он смешивал разрыв-траву и мочевину, экстракт бледной поганки и дорогой ячмень из Фархейма, сушеные яблоки, лягушачью кожу и настойку из когтей василиска, купленную у проезжих алхимиков за пять золотых. Позже представители Братства всячески отрицали любые контакты с гномом по имени Торстейн Одноглазый, утверждая, что он, скорее всего, стал жертвой шарлатанов, ведь настоящие когти василисков, даже если бы существовали, стоили бы дороже всей Подгорной Империи. Однако сам пивовар отчаянно стоял на своем и не признавал ошибки, несмотря на то, что был осужден как особо опасный преступник и посажен в каменный мешок на всю оставшуюся жизнь.

«... после долгих и напряженных трений суд постановил: признать Торстейна Одноглазого, сына Хьярмунда, виновным в причинении тяжкого ущерба трактиру «Старая Шахта», в уничтожении мебели, посуды и дорогого напольного ковра, а также в нанесении многочисленных телесных и душевных увечий посетителям сего заведения, в количестве сорока девяти особей обоих полов. Просьбы о помиловании, упирающие на то, что среди пострадавших больше половины являются родственниками подсудимого и могли бы разобраться с ним по-домашнему, оставить без внимания, и назначить вышеупомянутому Торстейну наказание в виде...»

фрагмент судебного протокола,
взят из архивов Конклава
Подгорной Империи

Дело в том, что Торстейн, закончив работу над напитком всей своей жизни, разумеется, попробовал его. Он остался очень доволен результатом — эль вышел крепким, густым и

терпким, со специфическим, но приятным запахом. И через две недели, когда подошло время свадьбы, старый гном с гордостью повез заветную бочку в трактир «Старая Шахта», где должно было состояться торжество. Но эль начали разливать, и выяснилось страшное: за полтора десятка дней он успел прокиснуть, превратиться в жуткую субстанцию с невыносимым запахом, от которого у всех вокруг на глаза наворачивались слезы (видимо, именно отсюда и берет свое начало название сорта). Торстейн извинился перед гостями и хотел было увезти бочку, но в этот самый момент она лопнула, залив трактир едкой вонючей жижей. Попадая на кожу, это вещество вызывало сильнейшие ожоги, а на каменных столах и лавках «Старой Шахты» оставляло несмываемые пятна мерзко-желтого цвета. Позже оказалось, что тот «эль», который уже успели разлить по кружкам, развел их глиняные стенки и доньшки.

Суд закончился, Западные Отроги немного пошумели, обсуждая небывалый случай, но вскоре то тут, то там в пивных начали появляться «Драконьи Слезы». Трактирщики заговорщицки предлагали посетителям «жахнуть Слезинку, пока не протухла», обещая небывалый вкус и «острые ощущения». Разумеется, с завидной регулярностью эти ощущения оказывались слишком острыми, и через три с половиной года местный старейшина обратился в Конклав с просьбой прислать еще лекарей, так как местных не хватало для лечения всех тех, кто сумел выжить, «жахнув Слезинку». Конклав на просьбу откликнулся, прислал десяток лучших специалистов из Гильдии Аптекарей — так слухи о новом напитке «для настоящих гномов» распространились по всей Подгорной Империи. Конклав забеспокоился и издал следующий указ:

«Именем Его Гранитного Величества, Лучшего Сына Первопредков Фратьефа Прекрасноносого, повелеваем: отныне изготовление и продажу эля проклятого сорта «Драконовы Слезы» запретить по всем подгорным просторам, а буде кто ослушается, каленым железом жечь, да руки в том же пиве и варить...»

Несмотря на суровость наказания, популярность «проклятого сорта» почти не снизилась. Только теперь им торговали из-под полы, а варили в самых темных и грязных пещерах на нижних уровнях подземелий. С течением времени эль приобрел легендарную известность: молодые гномы шепотом хвастались друг другу, что попробовали «Драконьи Слезы», их отцы обыскивали сундуки в поисках спрятанных кувшинов, а бригадиры наставительно объясняли молодняку, почему нельзя даже думать об этом пойле.

из книги «Обопьемся Под Горой»
издание второе, дополненное

«Кровь Гранита» (также известен как «Ржавый Эль»)

Наиболее древний из дошедших до наших дней сортов гномьего пива. Рождение его произошло в темные времена, когда разрозненные племена гномов, сидевшие каждое под своей горой, только начали двигаться навстречу друг другу. Регулярные нападения эльфов вынуждали их оставаться под землей, но в то же время способствовали единению — именно тогда начала расти сеть тоннелей и переходов, впоследствии ставшая основой Глубинной Империи. Легенда гласит, что великий вождь гномов, Хальдр Мудрый Молот, впоследствии

ставший одним из славнейших Гранитных Предков, однажды покинул тронный зал и отправился в пустые подвальные коридоры, дабы поразмышлять о судьбах своих подданных. И вот в каком-то закоулке, среди мрака и камня, он вдруг наткнулся на источник, бьющий из стены. Хальдр испытывал жажду, а потому, подставив ладони, он попробовал воду — и был изумлен поразительным, насыщенным вкусом. Он долго и жадно пил, затем снял с пояса флягу и набрал в нее удивительной воды. Мудрый Молот продолжил свои размышления и прогулку, совсем забыл об источнике, но, вернувшись в тронный зал и открыв флягу, в свете факелов увидел, что ее содержимое — кроваво-красного цвета. Вождь сказал об этом своему советнику, Дьярви Трехпалому, и тот предложил испытать вкусную воду в пивоварении. К источнику направили рудокопов с бадьями, а нескольким лучшим мастерам поручили составление рецепта. Семь дней и семь ночей трудились они, перевели немало пергамента, не спали из-за споров, но в итоге принесли Хальдру на одобрение рецепт, подобного которому не знала земля. По нему был сварен эль, достойный подаваться на пирах не только вождей и королей, но и самих богов.

Дьярви Трехпалый назвал напиток Кровью Гранитных Предков, и это имя успешно прижилось, хотя источник, где с тех самых пор добывают красную воду, расположен отнюдь не в гранитных породах. Видимо, именно из-за этого несоответствия гномы ничуть не оскорбились, когда в людских постоянных дворах и кабаках столь благородное и знаменитое пиво получило название «Ржавый Эль».

из трактата «Пенные Бороды»

